

INSPIRIA

ТЫСЯЧА СВАДЕБНЫХ ПЛАТЬЕВ

БАРБАРА ДЭВИС

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты Барбары Дэвис

Барбара Дэвис

Тысяча свадебных платьев

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дэвис Б.

Тысяча свадебных платьев / Б. Дэвис — «Эксмо»,
2021 — (Novel. Мировые хиты Барбары Дэвис)

ISBN 978-5-04-181431-1

ЧУВСТВЕННАЯ И ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О СПЛЕТЕНИИ СУДЕБ И ЧУДЕ. ВЫБОР AMAZON В ЖАНРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА. Долгие годы семья Солин Руссель держала в Париже салон свадебных платьев, где творилось настоящее волшебство. Невесту, надевшую платье от Руссель, ждало счастливое будущее. Но Вторая мировая война перевернула жизнь Солин... Потеряв веру в любовь, она спрятала свои воспоминания и разбитые мечты в коробку и оставила загадочное ремесло. Проходят десятки лет. Бостонская художница Аврора Грант, чей жених несколько месяцев назад пропал в Африке, пытается пережить утрату. Она мечтает открыть художественную галерею, и поиски приводят ее к ветхому зданию, где когда-то располагался свадебный салон Солин. Обнаружив коробку с письмами и старым свадебным платьем, Аврора понимает, что все не случайно. Знакомство Авроры и Солин становится началом большой истории, где есть место чуду и вере в себя... Очаровательный роман о судьбе, вторых шансах и надежде, потерянной и обретенной. От автора бестселлера «Последняя из лунных дев». «В книги Барбары Дэвис непременно влюбятся поклонники Кэтрин Райан Хайд и Люсинды Райли». – Booklist «Этот роман дарит надежду на то, что всех нас рано или поздно ждет счастливый конец. Идеальное сочетание романтики и тайн с вкраплениями магии. Не пропустите!» – Керри Энн Кинг «Интригующий роман, где сплетаются печаль, радость и загадки судьбы». – Historical Novel Society «Как и свадебное платье, созданное с любовью, эта история пронизана романтикой и тайнами, которые очаруют... и заставят читателей поверить в магию». – Кристин Нолфи, автор бестселлеров

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-181431-1

© Дэвис Б., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

От автора	10
Пролог	11
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	40
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	54
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	69
Глава 13	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Барбара Дэвис

Тысяча свадебных платьев

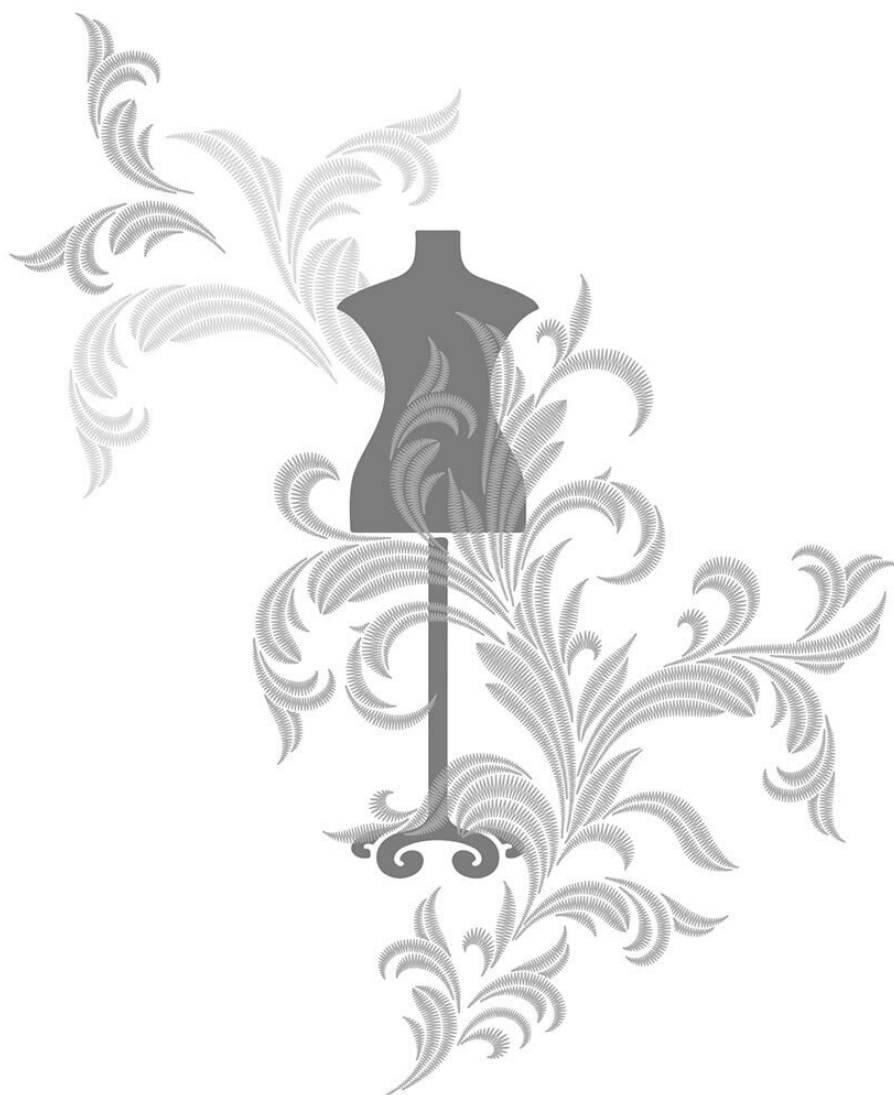
Barbara Davis
KEEPER OF HAPPY ENDINGS

Copyright © 2021 by Barbara Davis This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

БАРБАРА ДЭВИС

ТЫСЯЧА
СВАДЕБНЫХ
ПЛАТЬЕВ

INSPIRIA

Москва
2023

Книга посвящена миллионам медиков всего мира, которые, рискуя собственным здоровьем и безопасностью, спасали наших близких

и любимых в 2020-м и последующих годах, – этим истинным, всем до единого, героям.

Настоящие герои бывают очень разные – и мало кто из них может похвастаться сияющими значками, пришпиленными на груди.

Солин Руссель. Хранители счастливого финала

Мы – избранные. Служанки Великой Матери, происходящие из древнего рода, призванные способствовать делу любви и подлинному человеческому счастью.

Мы – les tisseuses de sorts, те, кто ткёт материю волшебства.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

От автора

Несмотря на то что в моем романе упоминаются отдельные исторические события, он всецело является плодом художественного вымысла. Все имена, персонажи, связанные с ними события, даты и выпавшие на их долю испытания мною придуманы или скрываются за вымышленными именами и реалиями.

Пролог Солин

*Вера – весьма существенный ингредиент.
Если потерял веру в магию – то потерял все.
Эсме Руссель. Колдунья над платьями*

13 сентября 1976 года.

Бостон

Сколько себя помню, любой финал всегда пробуждал во мне щемящую печаль. Последние звуки песни, неотвратимо угасающие в тишине. Падающий занавес в завершении пьесы. Последняя снежинка. Последние слова перед прощанием.

Мне много выпало прощаний.

Сейчас все они вроде бы остались в далеком прошлом, однако совокупная их боль по-прежнему берedit душу. Наверное, я просто перебрала сегодня вина – от этого у меня такая меланхолия. Или же перебрала с жизнью, с ее потерями – уж слишком много осталось от нее шрамов. И, что примечательно, – меня как будто притягивают эти шрамы, эта своеобразная карта моих ран, что не ведет меня ни вперед, ни назад.

Я вновь приношу из чулана свою заветную коробку и ставлю на кровать. В смысле физическом она не слишком много весит, однако собранные в ней воспоминания несут груз совсем иного рода. Тот, что ложится на сердце тяжестью. Сделана она из плотного, добротного, серого картона с металлическими крепежами по углам и толстым шнуром, продетым в нее в качестве ручки. Задержав дыхание, я снимаю крышку и откидываю лежащую сверху в несколько слоев мятую папиросную бумагу, чтобы увидеть хранящееся под ней платье. Оно изрядно состарилось с годами – равно как и я. Там же, перевязанная ленточкой, покоится и пачка писем – в большинстве на французском, но некоторые и на английском. Их я прочту немного позже, что частенько делаю в такие ночи, как эта, когда меня угрюмыми тенями окружают зияющие в моей жизни пустоты. В этом ритуале есть свой порядок, последовательность, которую я никогда не меняю. Когда в твоей жизни столько всего вырвано с корнем, когда ты столько всего лишился – следует искать утешения хотя бы в ритуалах. Пусть даже и в печальных.

Я вынимаю из коробки платье и держу его в руках. Бережно, как держат дитя – или же как лелеют надежду. Как можно ближе прижимая к сердцу и, быть может, слишком ревностно. Подхожу с ним к зеркалу – и на какой-то миг из него взглядывает на меня *она*, та девушка, которой я была до того, как гитлеровские солдаты вошли в Париж. Исполненная надежды и наивных светлых грез. Однако уже через мгновение она исчезает. И вместо нее оказывается печальная женщина, которой я стала. Измученная жизнью и одинокая. Без единой мечты. Мой взгляд непроизвольно возвращается к коробке, к коричневому кожаному футляру, лежащему на самом ее дне. И от воспоминания, как я увидела эту вещь впервые, сжимается сердце. «Храни его у себя, пока я не вернусь домой», – сказал *он*, вкладывая мне в руки футляр в то последнее утро.

Отложив платье, я, наверное, уже в сотый раз расстегиваю несессер и провожу пальцами по черепаховому гребню и такому же рожку для обуви, касаюсь помазка для бритвы и бритвенного станка. Все эти вещи настолько личные – и он собственноручно передал их мне. Из-под коричневой эластичной ленты вынимаю небольшой хрустальный флакончик – давно уже опустевший, – и отвинчиваю крышку, с тоской надеясь уловить оттуда изысканный мужской аромат, что так ярко отложился у меня в памяти. Запах соленой морской воды и лимонной цедры.

Энсон.

Вот только на сей раз – впервые за все время – от флакона не веет ни малейшим напоминанием о нем. Тридцать лет я подносила к носу пустой флакон, находя утешение в том единственном, что у меня оставалось – в *его* запахе. А теперь исчезло даже это.

Я готова расплакаться, но слез нет. По-видимому, я уже все выплакала. И теперь полностью опустошена. Возможно, это даже к лучшему. Возвращаю флакон на место и застегиваю футляр. Перевожу взгляд к оставшейся в коробке пачке писем, обычно завершающей мой маленький печальный ритуал. Сегодня я не стану их читать. Или, возможно, уже не прочту никогда.

Пора оставить это в прошлом. Пришла пора все отпустить навеки.

Я возвращаю футляр в коробку, затем складываю платье и бережно опускаю следом, расправляя рукава поверх лифа так, как укладывают руки покойного на похоронах. Полагаю, именно это сравнение сейчас как нельзя кстати. В последний раз с нежностью провожу ладонью по тонкой ткани, потом укрываю платье папиросной бумагой и опускаю крышку.

*Adieu, Anson, mon amour. C'est la fin*¹.

¹ Прощай, Энсон, любовь моя. Это конец (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава 1

Рори

26 мая 1985 года.

Бостон

Не может быть, чтобы уже настало воскресенье! Только не это!

Рори хлопнула ладонью по кнопке будильника и снова откинулась на подушку, словно желая, чтоб этот день исчез. Однако через пять минут будильник затрещал снова, и это могло означать только одно: каким-то образом в ее жизни пропала еще одна неделя, рассеялась в мутном потоке будней – с едой навынос и старыми сентиментальными фильмами, с долгими, бесконечными ночами и одержимым чтением о счастливых финалах у других людей.

Когда она откинула одеяло и спустила ноги с кровати, на пол бухнулась книга в мягкой обложке. «Зимняя роза» Кэтлин Вудивисс, которую она одолела к четырем часам утра. Рори уставилась на раскрытую книгу, подбитой птицей валяющейся у ее ног. Прежде она никогда не питала страсти к любовным романам, теперь же едва ли не проглатывала их один за другим. Для Рори это была словно порочная утеха, заставлявшая ее испытывать легкий стыд – точно пристрастие к азартным играм или порнографии.

Подхватив с пола прочитанный роман, Рори отправила его в плетеную корзину, где лежало уже не меньше десятка таких же книг, ожидающих отправки в благотворительный фонд «*Goodwill*». У входной двери стояла еще коробка с книгами, третья лежала в багажнике автомобиля. «Пустые калории для мозга» – как называла это чтиво ее мать. Между тем глаза девушки скользнули к стопке новых корешков с заголовками, возвышающейся на ее ночном столике. Следующей ночью ее ожидала последняя книга Джоанны Линдсей.

Рори порылась пальцами в ворохе нераспечатанной почты, также лежащей на тумбочке возле кровати, среди которой затерялся и буклет с перечнем курсов магистерской программы, который она предпочитала не замечать, и наконец выкопала «Ролекс» из нержавеющей стали с золотом, что подарила ей мать на окончание бакалавриата. Как и следовало ожидать, часы остановились. Дата в маленьком окошечке под увеличительным стеклом уже отстала на три дня. Рори переустановила время, завела часы и надела их на запястье, после чего мысленно нацелилась на чашку крепкого кофе. Без кофеина она однозначно не сможет встретить этот день.

Оказавшись на кухне, Рори обвела ее взглядом со все нарастающим чувством безысходности. Забитая грязной посудой раковина, переполненное мусорное ведро, остатки вчерашнего заказа из «Восточного Рая». Рори рассчитывала как следует прибраться на кухне после ужина, однако потом начали показывать «Плоды случайности»², и она была не в силах оторваться от экрана, пока Грир Гарсон и Рональд Колман наконец не воссоединились. К тому времени, когда Рори наконец наплакалась, она уже напрочь забыла про кухню. А теперь на уборку и вовсе не хватало времени, если она рассчитывала к одиннадцати часам оказаться в другом конце города.

Добавив в кофе сливок, она подумала было позвонить матери и отказаться от визита – сослаться на больное горло или мигрень, или на то, что якобы мутит, как от пищевого отравления. Однако за этот месяц она уже дважды избегала их традиционной встречи, что означало, что на сей раз она просто обязана туда поехать.

Стоя под душем, Рори мысленно готовилась к предстоящему «допросу с пристрастием»: к вопросам о ее дальнейшей учебе, о хобби, о планах на будущее. Вопросы эти от встречи

² «Плоды случайности» («*Random Harvest*») – американский драматический фильм Мервина Лероя, снятый в 1942 году по одноименному роману Джеймса Хилтона.

к встрече никогда не менялись, и Рори с каждым разом все труднее было делать вид, будто они вызывают в ней какой-то отклик. Правда крылась в том, что у нее не было таких хобби, которые ей бы хотелось с кем-то обсуждать, что ее ужасала сама мысль о возвращении в колледж и что все ее планы на будущее сейчас оказались под большим сомнением. Тем не менее она всякий раз изображала бодрый вид и говорила нужные слова, поскольку именно их от нее и ожидали. И потому, что альтернатива этому – а именно полное погружение в глухую черную дыру, в которую ныне превратилась ее жизнь, – казалась слишком мучительной, чтобы о ней серьезно размышлять.

Рори прошлепала босыми влажными ногами в спальню, на ходу суша волосы полотенцем, и всеми силами попыталась удержаться перед привычным уже зовом, исходящим от ночного столика. В последнее время уже стало утренним ритуалом прочитать письмо-другое от Хакса, но сегодня на это просто не было времени. И, тем не менее, Рори все же выдвинула нижний ящик и вытянула хранившуюся там коробку с письмами. Сорок три конверта, подписанных его мелким порывистым почерком. Этакий спасательный трос, прочно привязывающий ее к Хаксу и не позволяющий ей пойти ко дну.

Первое послание оказалось в ее почтовом ящике всего через пять часов после того, как его борт покинул международный аэропорт Логан. Хакс отправил письмо ночной доставкой, чтобы быть уверенным, что оно прибудет вовремя. Второе он написал, уже сидя в аэропорту перед выходом на посадку, следующее – в самолете. Поначалу письма поступали почти что каждый день, затем частота их сошла к одному-двум в неделю. А потом они просто перестали приходить.

Рори взглянула на фотографию у самой кровати, сделанную в ресторане на Мысе в ближайший уик-энд после его предложения руки и сердца. Доктор Мэттью Эдвард Хаксли – или Хакс для всех, кто близко его знал. Как же она скучала по его лицу, по его смеху, по незащепленным шуткам и фальшивому пению, по его любви ко всяким мелким безделушкам и по его идеально приготовленной яичнице.

Познакомились они на благотворительном мероприятии по случаю открытия нового неонатального отделения интенсивной терапии при университете Тафтса. От его обаятельной улыбки у Рори буквально захватило дух – но именно то, какая необыкновенная личность скрывалась за той улыбкой, собственно, и решило исход дела.

Сын двух педагогов, обучающихся детей с ограниченными возможностями, Хакс очень рано и на близком родительском примере постиг всю ценность служения обществу. Когда он учился на первом курсе университета Северной Каролины, на трассе I-40 в машину его родителей лобовым столкновением врезался лесовоз, выехавший на встречную полосу. После похоронов, оставшись абсолютно без руля и без ветрил, с одной лишь безысходной горечью в душе, Хакс бросил учебу и провел лето на пляжах Аутер-Бэнкса, бездельничая в окружении местных серферов и глуша тоску «Капитаном Морганом».

Наконец он все же смог взять себя в руки, вернулся в университет, а затем поступил на медицинский факультет. Сначала он собирался стать терапевтом, однако после недели врачебных обходов в отделении педиатрии эти планы изменились. Закончив последипломную больничную подготовку, Хакс подписал контракт с организацией «Врачи без границ» на оказание помощи детям Южного Судана, чтобы почтить таким образом память своих родителей.

Это качество Рори любила в нем едва ли не больше всего. История его жизни была далека от идеальной. У Мэттью Хаксли не было ни своего трастового фонда, как у нее, ни загородного клуба для избранных. Он пережил страшные вещи – такие, что всколыхнули его до основания и выбили из колеи, – и все же он нашел в себе силы снова обрести твердую почву под ногами, нашел свой способ помогать людям. Когда настало время отъезда, Рори тяжело было провожать его в путь, однако она гордилась Хаксом и той миссией, которую он на себя принял, пусть даже его письма было тяжело читать.

В одном Хакс признался, что пристрастился к курению. *«Здесь все до единого смолят по черному. Наверно, чтобы не дрожали руки. Мы все уже невероятно вымотались»*. В другом послании он написал о журналистке по имени Тереза, приехавшей делать репортаж для Би-би-си, о том, как та некоторое время поддерживала его связь с внешним миром. Писал Хакс и о своей работе, о бесконечных днях в импровизированной хирургической палате, о местных детях, покалеченных, осиротевших, перепуганных. Все оказалось куда хуже, чем он прежде мог себе представить, но как врач он приобрел профессионализм: стал более решительным и жестким и вместе с тем более сострадательным.

Темп их работы был изнурительным, душевное потрясение явно казалось сильнее, чем он мог адекватно выразить на бумаге.

«Мы настолько избалованы у себя в Штатах! Там мы не в состоянии осознать весь масштаб беззакония и варварства, той страшной, душераздирающей нужды, что существует в иных местах земного шара. Отсутствие элементарной человечности. Когда видишь, что здесь творится, то понимаешь, что все, что мы здесь делаем – и я, и каждый из нас, – всего лишь капля в море».

Это было его последнее письмо.

Прошла неделя, другая, третья – а ее письма к Хаксу так и оставались без ответа.

А потом, когда она однажды слушала Национальное общественное радио, причина его молчания внезапно стала ясна. Представительство США заявило, что в Южном Судане во время предрассветного нападения на госпиталь группа вооруженных повстанцев похитила троих: американского врача, медсестру из Новой Зеландии, а также британскую журналистку, работавшую там по заданию компании Би-би-си и журнала «World».

Только через семь дней официально подтвердилось то, что Рори и так уже поняла: что Хакс и был тем самым похищенным американцем. Но это все равно ничего не дало. На грузовике, который видели отъезжающим отдельные свидетели, не было никаких опознавательных знаков. Как не было и описания мужчин, которые силком, под дулом оружия вывели их из медицинской части. И никто не заявил об ответственности за нападение – что обычно происходит в течение первых сорока восьми часов. Похищенная тройца как будто испарилась.

Минуло уже пять месяцев, но Рори все еще ждала. По данным Госдепартамента, к поискам пропавших были привлечены все возможные ресурсы, отслеживалась каждая зацепка, которых, впрочем, было не так уж много. Восемь недель назад на территории Ливии был проведен ночной рейд на заброшенную лачугу, где, по сообщению некоего лица, видели женщину, подходившую под описание похищенной журналистки. Но к тому времени, когда туда вошли, дом оказался пуст, и след его обитателей давно простыл.

По официальному заявлению Госдепа, они «продолжали сотрудничество со всевозможными гуманитарными организациями в целях найти похищенный боевиками персонал и обеспечить его безопасное возвращение на родину». Однако правда состояла в том, что никакой новой информации не поступало, а это означало, что перспективы благополучного исхода становились все более сомнительными.

С минуту Рори смотрела на коробку с письмами, едва противостоя желанию выудить из нее пару посланий и забраться с ними обратно в постель. Однако ей необходимо было побыть сегодня совсем в ином месте. Даже, на самом деле, в двух местах, учитывая, что она договорилась во второй половине дня встретиться с Лизетт в кондитерской «Сладкие поцелуи».

Двадцать минут спустя Рори подхватила в прихожей сумочку и ключи, еще раз напоследок взглянула на себя в зеркало. Белые слаксы и шелковая бледно-персиковая блузка на пуговицах без рукавов. Еще влажные волосы собраны в хвост. На ресницах немного туши, едва заметный блеск на губах, в ушах неприметные гвоздики с маленькими бриллиантами. Конечно, далеко не на уровне стандартов. Впрочем, с точки зрения ее матери, у нее ничто и никогда не дотягивало до уровня.

Глава 2

Рори

Стоило Рори войти в дом, как ее окутали ароматы свежемолотого кофе и сконов³ с черникой. Из кухни она уловила негромкое жужжание маминой соковыжималки. Скинув в прихожей балетки, Рори поставила их у самой двери – носками к выходу, – на случай, ежели потребуются срочно ретироваться. Видит бог, подобное случилось уже не раз.

Как обычно, дом пребывал в безукоризненном порядке. С роскошными бежевыми коврами и старательно подобранной мебелью, он олицетворял собою состоятельность хозяйки и ее изысканный вкус. На стенах, естественно, красовалось «правильное» искусство – неизменные вазы с фруктами и кувшины с пышно распустившимися маками в тяжелых позолоченных рамах. И нигде ни пылинки, ни даже чуточку покосившейся картины.

Дом этот выглядел абсолютно так же, и когда Рори была маленькой – и все благодаря воинственно-незыблемым требованиям матери относительно порядка и чистоты. Не ходить в обуви дальше прихожей. Не засаливать руками стены. Не выносить еду или напитки за пределы столовой – за исключением тех случаев, когда в доме устраивалась вечеринка. А вечеринки, надо сказать, бывало здесь предостаточно. Чаепития с подругами, коктейльные вечеринки, званые обеды и, разумеется, мероприятия по сбору средств в благотворительные фонды ее матери – каждое из которых проводилось на высшем уровне, после чего дом тщательно вычищался командой профессионалов, всегда готовых явиться к Камилле по первому звонку.

Матушку Рори нашла на кухне – та переливала в кувшин свежавыжатый апельсиновый сок, характерно позвякивая своим «фирменным» золотым браслетом с подвеской. В брюках цвета хаки и белой накрахмаленной блузке она выглядела исключительно свежей и опрятной, тяжелые золотистые волосы были убраны назад в низкий хвост. Камилла точно сошла с обложки журнала домашнего стиля «*Town & Country*». Как обычно, макияж ее был безупречен: изящно подкрашенные глаза, чуточку подрумяненные щеки, легкий налет персикового блеска на губах. В свои сорок два года она еще вполне была способна вызывать восхищение у мужчин.

Когда Рори вошла на кухню, мать оглянулась.

– Ну наконец-то, – молвила она, окинув свою дочь быстрым, но придиричвым взглядом. – А то я уже начала думать, что ты снова не приедешь. У тебя что, мокрые волосы?

– Не было времени их просушить. Чем могу тебе помочь?

– Все уже приготовлено и, надеюсь, еще не остыло. – Она вручила Рори тарелку с идеально нарезанными ломтиками дыни и доверху полную чашу с клубникой. – Неси-ка это на стол, а я прихвачу все остальное.

Взяв в руки фрукты, Рори направилась к террасе. Утро выдалось просто идеальным: небо было поразительно голубым, легкий нежный ветерок обещал раннее лето. Внизу, куда ни глянь, раскинулся Бостон с его извилистыми улицами и беспорядочно торчащими макушками крыш. Вдоль реки тянулся Сторроу-драйв с нескончаемым потоком машин, виднелась полная яркой зелени Эспланада, поблескивала на солнце река Чарльз, усеянная яркими крохотными парусниками.

Рори бесконечно любила свой город со всеми его контрастами и противоречиями. С его богатой колониальной историей и живой, бурлящей мультикультурой большого «плавильного

³ Сконы – заимствованная с севера Англии и Шотландии выпечка из недрожевого теста (традиционно – из ячменной или овсяной муки), представляющая собой маленькие призмистые булочки со всевозможным наполнителем – ягодами, цедрой лимона, изюмом и пр.

котла»⁴. Искусство, еда, музыка, наука – все здесь словно рвались вперед, оттирая друг друга локтями и пытаясь перетянуть внимание на себя. И все же было что-то особенное в том, чтобы лицезреть все это отсюда, сидя вдали от шума и суеты, что всегда, пока Рори росла в этом доме, ощущалось ею как некое маленькое волшебство. У нее появлялось чувство, будто внезапно для всех она может отрастить себе крылья и навсегда улететь.

В юности она часто мечтала улететь отсюда прочь – стать кем-то совсем другим, жить совершенно иной жизнью. Жизнью абсолютно собственной. С собственной карьерой, не имеющей никакого отношения к ее матери. С мужем, который абсолютно не похож на отца Рори. И у нее все это почти что получилось.

Почти...

Это слово камнем сидело у нее в груди, неизбывной тяжестью давя на сердце, делая непосильными даже совсем элементарные дела вроде похода в универсам или встречи с подружкой. Конечно, такая потребность удалиться от мира не выглядела нормальной. Однако для Рори она была вовсе не нова. Она всегда тяготела к интровертной области жизненного спектра, всеми стараниями избегая шумных вечеринок и прочих людных мероприятий, не говоря уже о том внимании, что неизменно приковывалось к ней как к дочери одной из самых выдающихся представительниц филантропической элиты Бостона.

Чтобы ни единый волосок не выбился из прически, чтобы не допустить никакой, даже самой мелкой, оплошности – такова была Камилла Лоуэлл Грант. Неизменно правильное облачение, правильный внешний облик, правильный во всех отношениях дом, правильные произведения искусства. Все было в ее жизни правильно – если только не считать постоянно изменяющего супруга и трудной, своенравной дочери. И тем не менее Камилла с достойной восхищения стойкостью несла свою нелегкую ношу. Почти всегда.

Устанавливая блюда с фруктами, Рори оглядела накрытый стол. Выглядел он, как иллюстрация из журнала «*Victoria*»: белоснежный островок скатерти с бабушкиным английским фарфоровым сервизом *Royal Albert*, льняные салфетки, с безупречной аккуратностью сложенные перед каждой предполагаемой персоной, а в центре стола – ваза с восковыми белыми гардениями, «фирменным» цветком ее матери. В общем, как всегда и во всем, – изумительное совершенство.

Начало традиции совместного бранча было положено в тот день, когда Рори исполнилось двенадцать лет, и очень быстро эта воскресная трапеза превратилась в еженедельный ритуал. Меню от недели к неделе менялось: к столу подавались или свежие фрукты с какой-то домашней выпечкой, или тосты с копченым лососем и мягким сливочным сыром, а иногда и безупречно приготовленный омлет с сезонными овощами. И лишь одно при этом было постоянным и неизменным: коктейль «Мимоза» из свежавыжатого апельсинового сока и идеально охлажденного шампанского «Вдова Клико».

Изначально предполагалось, что на этих встречах они смогут обмениваться последними новостями, рассказывать друг другу, как прошла неделя. Однако в последнее время их посиделки тет-а-тет сделались чересчур напряженными, поскольку Камилла всякий раз находила новые и не слишком деликатные способы намекнуть дочери, что, быть может, той пора уже двигаться по жизни дальше.

Рори покрутила пальцами кольцо на левой руке – с небольшим овальным рубином, у которого снизу проглядывала крохотная щербинка. С этим перстнем отец Хакса делал предложение его матери – это было все, что он мог тогда себе позволить, вернувшись простым солдатом с Корейской войны⁵. Хакс обещал Рори, что они вместе потом отправятся в магазин

⁴ Теория «плавильного котла» – теория формирования американской нации, объединившей в единый сплав иммигрантов различных рас и национальностей из множества стран мира.

⁵ Корейская война – конфликт между КНДР и Республикой Корея, длившийся с 25 июня 1950 по 27 июля 1953 года. Часто этот конфликт времен «холодной войны» рассматривается как опосредованная война между США с их союзниками

и выберут для нее настоящее помолвочное кольцо, однако именно с перстнем своей матери он хотел задать избраннице этот важнейший для себя вопрос. Тронутая его сентиментальностью, она предпочла оставить у себя именно это украшение, глубоко взволнованная тем, что Хакс доверил ей такую ценную для себя вещь. А теперь кольцо его матери было одним из немногих, что осталось у Рори от Хакса.

Когда из кухни показалась Камилла с двумя тарелками, Рори отодвинула эти мысли подальше.

– Фриттата со спаржей и грибами, – объявила мать, эффектным движением выставляя тарелки на стол.

– Выглядит восхитительно! – воскликнула Рори, занимая свое обычное место. Ее матушка никогда не слыла заядлым кулинаром – и тем не менее довольно хорошо знала, как управляться на кухне.

Камилла между тем вытащила из-под мышки несколько университетских учебных проспектов и вручила их Рори, после чего села напротив нее за стол.

– Они пришли еще на прошлой неделе, но ты тогда манкировала наш бранч. Еле сдержалась, чтобы не сказать почтальонше, что знать не знаю девушки по имени Рори, и не спросить, нет ли у нее почты для моей дочери Авроры.

Рори сухо улыбнулась:

– Тебе пора уже найти какую-то новую тему, мама. Эта шутка явно устарела.

– Рори – какое-то мальчишеское имя. А тебя зовут *Аврора*. И это очень красиво. Вполне подобающе леди.

– Подобающе престарелой леди, – парировала Рори. – И как раз папа его и сократил. И его такая укороченная версия ничуть не напрягала.

Мать даже фыркнула в ответ:

– Чтобы что-то могло напрягать, надо по меньшей мере находиться рядом.

Рори взяла со стола вилку, с вялой рассеянностью потыкала ею во фриттату. Да, так оно и было. Интересы ее отца всегда простирались где-то поодаль. Она не представляла, сколько у него на счету было «левых» походов, однако подозревала, что мать знала, сколько именно. На протяжении долгих лет Камилла отслеживала каждую женщину, входившую ненадолго в жизнь Джеффри Гранта, скрупулезно добавляя новое имя в коллекцию, точно четвертаки в «ругательную банку»⁶.

Очевидно, Камилла не развелась с ним из-за дочери, хотя Рори подозревала, что уик-энд в майамском курортном Дорале с двадцативосьмилетней секретаршей мог бы стать решающим ударом по их браку, если бы отец не умер в ее постели. Большинство светских дам не смогли бы оправиться от подобного скандала – от столь катастрофической развязки и столь лакомого для публики клише, – однако для Камиллы это стало жемчужиной ее коллекции измен, с гордостью приобретенным знаком чести.

– Ты, я вижу, ничего не ешь?

Рори взяла из вазочки с клубникой ягоду, принялась старательно жевать. Камилла тем временем достала из ведерка со льдом бутылку «Вдовы» и завозилась с пробкой. Через пару минут Рори потянулась через стол и забрала у матери шампанское:

– Позволь-ка, я открою, пока ты не выбила никому глаз.

Вскоре пробка с легким хлопком выскочила из бутылки. Рори налила шампанское в бокалы, добавив апельсиновый сок. Без слов, по привычке, они легонько чокнулись коктейлями, после чего обе принялись за еду.

и силами КНР и СССР.

⁶ Идея ругательной банки: если человек выругался, он кладет в нее доллар.

За завтраком разговаривала в основном Камилла, со стороны Рори требовался минимум участия. Сплетни о пластических операциях и слухи о разводах. Сообщение о предстоящей поездке подруги в Ирландию. О том, что дают в следующем сезоне в Бостонском оперном театре. О тематике для новогоднего благотворительного бала, который Камилла вновь организовывает в этом году. В конце концов их незатейливая светская беседа неминуемо вторглась на уже знакомую, хотя и очень дискомфортную для Рори территорию.

– Я тут на днях случайно повстречалась с Диной Маршалл, когда отвозила в ремонт часы. Дениз, ее младшая дочь, осенью собирается в Бостонский университет. Намерена заниматься музыкой. На арфе, если не ошибаюсь. Я ей сказала, что ты в августе собираешься вернуться в Тафтс заканчивать магистратуру. А затем, возможно, отправишься в Париж на стажировку, которую мы с тобой уже обсуждали. Она просила передать тебе всяческие поздравления.

– Дениз занимается фортепиано, – сухо констатировала Рори. – На арфе играет Патриция.

– Да, точно! Конечно же, на фортепиано. – Камилла взяла со стола салфетку, старательно промокнула рот. – Ну а ты как? Ждешь возвращения в колледж?

Рори снова потянулась за шампанским, освежила содержимое бокала, на сей раз обойдясь без апельсинового сока. Не торопясь отпила немного, потом подняла глаза на мать:

– Я ничего уже не жду.

Вздыхнув, Камилла переложила себе на тарелку один из сконов.

– Ты что, дуешься на меня, Аврора?

– Мне двадцать три года, мама. Я уже не дуюсь.

– В самом деле? А что, по-твоему, сейчас происходит?

Рори поставила бокал с «мимозой» и выпрямилась на стуле:

– Мы три недели с тобой не виделись. И ты даже не хотела спросить, что нового слышно о Хаксе?

Камилла быстро взглянула на нее:

– Ну, разумеется, хотела.

– Интересно, когда? Мы уже закончили завтрак. Мы поговорили о подтяжке лица у Вики Фостер, о том, какая потрясающая еда в Британии, о твоих планах в связи с благотворительным балом и о том, что дочка Дины Маршалл решила заняться музыкой. И ты так и не сумела выбрать момент, чтобы втиснуть в этот насыщенный разговор имя моего жениха.

– Ты же не думаешь на самом деле, что я стану за завтраком обсуждать такие серьезные вопросы?

– Какое отношение это имеет к завтраку?

Уголки рта у Камиллы слегка опустились, идеально изобразив легкую обиду.

– Я старалась проявить деликатность.

– Деликатность?! – От этого слова Рори даже стиснула зубы, как будто хорошие застольные манеры и впрямь были оправданием такого наплевательского отношения. – Мне не нужно от тебя деликатности, мама. Мне необходимо, чтобы ты обо мне беспокоилась. Но тебе все равно. И всегда было все равно.

У Камиллы округлились глаза.

– Ну что ты такое говоришь!

– Он никогда тебе не нравился. С самого первого дня ты вела себя так, будто видела в нем лишь некую стадию моей жизни. Будто надеялась, что рано или поздно я из этого вырасту – как, например, из тяги к футболу.

– Это неправда.

– Как раз абсолютная правда. Тебе не нравилось ни то, как он выглядит, ни его увлечение серфингом, ни тот факт, что он оставил частную врачебную практику. Но главная загвоздка – что тебе не нравится то, что он приехал из какого-то маленького прибрежного городка в Север-

ной Каролине, о котором здесь никто и слыхом не слыхал. И что его родители учили детей в средней школе, вместо того чтобы организовывать карточные турниры и званые ужины.

Тут же во всем облике матери изобразилось фирменное выражение негодования: расправленные плечи, вздернутый подбородок и ледяной взгляд поверх идеального аристократического носа.

– Ты делаешь совершенно ужасные намеки.

– Я вовсе не намекаю, мама. Я прямо об этом говорю. Многие матери сочли бы такого человека, как Хакс, очень удачной партией для своей дочери – но только не ты! Ты ведь желала для меня кого-то с правильной, на твой взгляд, фамилией и со стикером «*Mayflower*»⁷ на чемодане. А теперь, когда Хакс пропал без вести, ты видишь в этом возможность быстро все переиграть. Хотя мне и не очень понятно, с чего вдруг твой собственный брачный опыт дает тебе право выбирать мужа кому-то другому.

Камилла застыла с обомлевшим лицом, как будто получила неожиданную пощечину.

– Прости, – торопливо буркнула Рори. – Я не имела в виду...

– Ну, разумеется, имела.

Рори шумно выдохнула, злясь на себя за то, что, сама того не желая, ударила ее по самому больному.

– Прости меня, пожалуйста, мне очень жаль. Я просто бешусь от бессилия, а ты попала под руку.

На лице у Камиллы обида сменилась озабоченностью.

– И что? Есть какие-нибудь... новости?

– Нет. Никаких новостей. Не бери в голову. Я не хочу об этом говорить.

– Тогда о чем ты хочешь говорить? Я ведь даже не представляю, что в последнее время происходит в твоей жизни. Ты не отвечаешь на мои звонки. Отказываешься от моих приглашений на ужин. Ты два воскресенья подряд уворачивалась от наших бранчей. Чем ты вообще сейчас занимаешься?

Рори неподвижно уставилась в свой бокал, в горле у нее словно набух тугой комок.

– Большой частью жду.

– Солнышко мое... – Камилла протянула руку через стол и отвела с глаз дочери пряди волос.

– Не надо. – Рори резко отдернула голову назад. – Я не хочу, чтобы ты жалела меня.

– Тогда чего же ты хочешь? Ты целыми днями или зарываешься носом в эти ужасные книжки, или сидишь как приклеенная перед телевизором и часами напролет смотришь черно-белые слезливые мелодрамы. Мы уже с тобой об этом говорили. Это не идет тебе на пользу.

– Со мною все в порядке. Просто я... – Рори отвернулась, отчаянно не желая обсуждать это еще раз. – Мне просто нужно время...

– Детка, прошло уже пять месяцев.

Рори резко взглянула на мать:

– А я и не знала, что есть какой-то лимит времени!

– Я вовсе не это имела в виду. Я лишь хотела сказать: что бы ни случилось с Мэттью – жив он или... – Она запнулась, словно пытаясь как следует взвесить дальнейшие слова. – Но ты-то здесь, Аврора. И ты живой человек. И ты должна жить дальше, что бы там ни случилось.

Рори проглотила жгучие слезы. Ей очень хотелось верить, что Хакс жив и что однажды он вернется домой, к ней, однако Рори постоянно преследовал жуткий страх – точно чья-то невидимая ладонь, нависшая над ее плечом. Что, если завтра ее настигнет черная весть?

⁷ Имеется в виду прибывший к берегам Америки в 1620 году корабль «Мэйфлауэр» («*Mayflower*»), пассажиры которого, также известные как «пилигримы» или «отцы-основатели», построили в Новой Англии Плимутскую колонию, которая считается началом не только британской экспансии в Новом Свете, но и возникновения Соединенных Штатов. Уцелевшие потомки поселенцев с «Мэйфлауэра» считаются неофициальной аристократией в стране.

Как это произойдет? Письмом? Или, может быть, ей позвонят? Или кто-то явится к ней домой? Ей никогда не хватало смелости спросить себя: «А вдруг?..» Вопрос сделал бы возможность подобного исхода чересчур реальным, а реальности ей хватало и без этого.

– А что, если я не смогу жить дальше? – тихо спросила она.

– Не говори глупостей! Конечно же, сможешь. Все Гранты умеют выживать.

Рори с трудом подавила вздох, сетуя про себя, что не может заставить мать понять свои чувства.

– Просто мне все безразлично. Абсолютно все. – Она посмотрела на мать – такую неизменно ухоженную и никогда не теряющую присутствия духа. – Ты ведь даже не представляешь, каково это. Просыпаться по утрам – и не иметь ни малейшего желания вставать, идти в душ, одеваться и выходить в тот мир, где, куда ни помотришь, жизнь галопом несется без тебя. Ты никогда не теряла того, кого любила. Только не говори сейчас о папе. Мы обе с тобой знаем, что это вовсе не то же самое.

Камилла открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла, словно сдерживая изначально просившийся ответ.

– Ты даже не представляешь, что я потеряла, Аврора, – с горечью обронила она наконец.

Рори прищурилась, удивленная такой загадочностью в тоне Камиллы. По-видимому, в жизни ее матери было много чего, о чем Рори не знала. Того, что та держала в себе закрытым наглухо или просто отказывалась обсуждать.

– У тебя кто-то был? – тихо спросила Рори. – До папы?

– За твоего отца я вышла в восемнадцать лет. У меня просто не было времени, чтобы встретить кого-то еще.

– Ну, хорошо. Не «до». Может быть, потом? Так сказать, во время?..

Камилла ошеломленно уставилась на нее:

– Ну, разумеется, нет!

– Тогда – *что*? Что у тебя было такое, чего я не знаю?

Камилла отмахнулась, явно желая сменить тему.

– Ничего. Сейчас это неважно. Но, чтобы ты знала, – матерям присуще все человеческое. У каждой из нас – своя жизнь, со своими разочарованиями. Мы тоже страдаем, как и все. У нас тоже, как и у других, сердце порой истекает кровью. Однако на нас лежит ответственность, и у нас есть обязанности, которые необходимо выполнять. И есть еще лицо семьи, которое необходимо поддерживать. И потому мы, несмотря ни на что, продолжаем двигаться вперед.

– Вот только я не вижу для себя никакого «вперед». Вообще впереди ничего не вижу. Как будто мое будущее просто... исчезло.

– Тебе необходимо выбираться из этого состояния, Аврора. Почаще бывать с людьми. Как насчет коктейльной вечеринки в «*Marcos*» на будущей неделе? Кассандра Мейтланд устраивает очередной закрытый пати в честь некоего найденного ею дарования. На сей раз – виолончелиста. Почему бы тебе не составить мне компанию? С утра можем сходить вместе к Розелле, сделать прически и маникюр, немного укоротить тебе челку, потом подобрать тебе что-нибудь миленькое из одежды. Ничто так не поднимает настроение перед вечеринкой, как приятная покупка. К тому же тебе на пользу будет встретиться с кем-то из прежней компании, вернуться в нормальную жизнь.

Рори метнула на нее ледяной взгляд:

– Нормальную?

– Вот только, пожалуйста, не надо так на меня смотреть! Нельзя же все время прятаться от людей. Я очень волнуюсь за тебя. Может, пора уже... с кем-то об этом поговорить?

Рори внутренне напряглась:

– По-твоему, я, что, сошла с ума и нуждаюсь в психотерапевте?

– По-моему, самой тебе трудно справиться с тем, что произошло, и, думаю, тебе будет полезно поговорить с кем-то об этом. – Она чуть помолчала и тихонько добавила: – С тем, кому ты доверяешь.

Рори немного помолчала, сознавая сквозившую в маминых словах уязвленность.

– Прости меня, – произнесла она наконец, – и за прежнюю резкость, и за то, что я случайно брякнула. Просто я переживаю из-за... Хакса. – Его имя словно комком застыло в ее горле. – В пятницу я снова два часа просидела на телефоне, в основном в режиме ожидания. И все как всегда – одна уклончивость. «Мы делаем все, что в наших силах». Но ведь это же неправда! Как это может быть правдой, если они даже не выяснили, где он находится?

В ответ Камилла возмущенно фыркнула:

– Как вообще такое может быть? Есть же ведь специалисты, занимающиеся подобными делами! Послы, дипломаты. Президент, наконец, ради всего святого!

В груди у Рори застыла уже знакомая тяжесть. Та, что всегда там застывала холодным камнем, стоило ей позволить себе думать о немыслимом.

– Мне порой начинает казаться, что он вообще никогда не вернется...

– Тише, тише, – накрыла ладонью ее руку Камилла. – Не надо так говорить. Давай-ка, подбородок выше, и будь храбрее!

Рори проглотила готовые уже хлынуть слезы. Ей сразу припомнился первый год в старших классах, когда она однажды поклялась не показываться больше в школе после того, как не смогла попасть в команду по плаванию. Камилла тогда укутала ее полотенцем, крепко обняла и сказала в ухо те же самые слова: «Давай-ка, выше подбородок, и будь храбрее». Но сейчас Рори вовсе не чувствовала себя храброй. Она словно вся оцепенела, ощущая себя вконец обессиленной и потерянной.

– Я где-то читала, что, чем дольше человек числится пропавшим без вести, тем меньше шансов найти его в живых. – Она вытянула руку из-под маминой ладони, чтобы утереть глаза. – Я уже начинаю терять надежду.

– Прекрати-ка давай, слышишь? Я серьезно. Не надо заикливаться на таких мыслях. И вообще, когда осенью начнется учеба и ты вернешься к привычным будням, то сразу почувствуешь себя бодрее. Начнутся лекции и разные занятия в кругу друзей. Все это поможет тебе плотно заполнить время.

Рори вспомнила о каталоге курсов у себя на тумбочке и согласно кивнула. Ведь именно этого от нее и ожидали. Нерушимой твердости духа и возвращения в колледж для получения степени магистра искусств. Потом ее ждала стажировка (если ее мать все же добьется своего) и, быть может, когда-то – должность куратора выставок. Все это слишком разнилось с тем будущим, которое они с Хаксом для себя планировали, когда он вернется после миссии «Врачи без границ».

– Знаешь, – явно колеблясь, произнесла Камилла, – я тут подумала: может, для тебя лучше будет переехать обратно домой, пока все... не устаканится? Я теперь одна, твоя комната почти не изменилась с тех пор, как ты уехала. Я бы пока ухаживала за тобой, готовила бы для тебя. И тебе ни о чем бы не пришлось заботиться, кроме учебы.

«Учеба... Колледж... Ой! Встреча с Лизетт!»

– О нет! Сколько сейчас времени? – Рори посмотрела на наручные часы. – Мне надо идти!

– Что – прямо сейчас?

– Младшая сестра Жанель Тернер записалась на летние курсы, и я обещала с ней встретиться и отдать пару своих старых учебников.

– Сегодня? Зная, что у нас с тобой воскресный завтрак?

– Я понимаю. Извини. Но ей к трем надо уже быть в Брейнтри – у ее родителей юбилей свадьбы. А занятия начнутся уже завтра. Так что это было единственное время, на которое мы могли с ней условиться.

– Но ты же почти ничего даже не съела. Давай я хотя бы соберу тебе чего-нибудь с собой.

– Нет, спасибо. – Рори резко поднялась из-за стола. – Все в порядке. Мне только жаль, что тебе придется прибираться одной.

– Чем еще мне тут заниматься. Через неделю я смогу тебя увидеть?

Что-то в лице Камиллы – то ли еле заметная складка между тонко подведенными бровями, то ли чуть опустившиеся уголки губ – все же задело совесть Рори.

– Я правда очень сожалею о сказанном. Насчет брака и мужа. Мне не следовало это говорить.

Камилла пожала плечами:

– Конечно, не следовало. Но ты, по сути, была права. А теперь езжай. Встреться со своей подружкой.

Глава 3

Рори

Выйдя из «Сладких поцелуев» и тут же влившись в толпу пешеходов, суетливо сновавших по тротуару Ньюбери-стрит, Рори взглянула на часы. Встреча с Лизетт растянулась на большее время, нежели ожидалось, и теперь она торопилась к своей машине, чтобы не получить штрафа. На углу Рори остановилась у перекрестка, ожидая, когда переключится светофор. Мысли все время возвращались к утреннему разговору с матерью. Она высказала Камилле такие вещи, которые сама же себе обещала никогда не говорить – какой бы истиной все это ни было! – и задела ее за больное.

Однако не только внезапное возмущение матери возбудило в Рори любопытство. Когда она говорила о Хаксе и о том, каково это – кого-то потерять, в какой-то момент Камилла закрыла глаза и вся как-то замерла, словно отгоняя непрошенные воспоминания. Редчайший момент уязвимости у женщины, которая никогда и никому не казалась уязвимой.

«У нас тоже, как и у других, порой сердце истекает кровью».

Вот только в случае Камиллы Грант это было не совсем так. По крайней мере, Рори подобного за ней не наблюдала. Когда она была ребенком, мать казалась ей высеченной из мрамора – чистого, без малейших изъянов и холодного на ощупь. Точно «Греческая рабыня» Хирама Пауэрса – только с бронзовым остовом роденовской Евы. Невозмутимая и ни к чему не восприимчивая – так, во всяком случае, казалось Рори. И все же это мгновение беззащитности сегодня утром, это выражение на ее лице... *«Ты даже не представляешь, что я потеряла, Аврора».* Что она имела в виду? Уж очевидно, не любовника. Хотя Рори вряд ли стала бы укорять свою мать в поисках утех на стороне. Рори даже не могла припомнить, чтобы ее родители проводили ночи в одной спальне, не говоря уж об одной постели. Как же ей, должно быть, было одиноко в браке!

Светофор наконец переключился, и стоявшая перед бровкой тротуара толпа засеменила по переходу. Рори тоже собралась было ступить на зебру, когда ее внимание вдруг привлек старенький дом из рядовой застройки на противоположном углу перекрестка, и девушка резко застыла на месте.

В этом угловом элементе сплошной вереницы домов, примыкающих друг к другу боками, ничего особенного вроде бы и не было. Трехэтажное обшарпанное строение из красного кирпича с выходящей на дорогу закругленной башенкой, которую увенчивала остроконечная крыша. Подобных домов вдоль Ньюбери-стрит было, наверное, несколько десятков. Или, если уж на то пошло – таких было полно на половине бостонских улиц. И все же в этом здании ощущалось нечто достаточно необычное, чтобы остановить Рори на полпути.

Лишенные занавесок окна подернулись слоем пыли. Вдоль фасада тянулась полоска давно не стриженной травы. Вокруг растрескавшихся ступеней крыльца валялся кое-какой мусор. Дом определенно пустовал – в этом не было сомнений. И тем не менее Рори не покидало ощущение, будто из какого-то верхнего окна за ней наблюдают.

Она всерьез было подумала рассмотреть это здание поближе, однако проехавшая мимо полицейская машина тут же напомнила Рори, что в шести кварталах от нее неумолимо тикает счетчик. Так что у нее не было сейчас времени тешить любопытство.

И все же, двинувшись дальше по Ньюбери-стрит, Рори поймала себя на том, что то и дело с острым сожалением оглядывается через плечо на старый дом. У нее появилось любопытное ощущение, как будто она покидает вечеринку в тот момент, когда там только начинает происходить что-то интересное. Что-то подсказывало ей, что этот заброшенный дом с ней еще не прощается.

Когда Рори наконец вернулась домой, было уже почти четыре часа. Она еле-еле успела избежать штрафа за парковку и решила счесть это за доброе предзнаменование. В последнее время она радовалась любым, даже мало-мальским удачам.

Рори сняла макияж, затем переоделась в спортивные штаны и футболку. Телевизор в спальне, как всегда, был включен, но работал с сильно убавленным звуком. Кэри Грант и Кэтрин Хепбёрн. «Воспитание крошки» 1938 года. Это был один из недавно развившихся у Рори «пунктиков» – денно и ночно держать работающим телевизор. Это давало ей иллюзию людского окружения и избавляло от гнетущей тишины, которая слишком уж быстро заполнялась мрачными мыслями.

«По-моему, самой тебе трудно справиться с тем, что произошло...»

Пронесшиеся в голове слова матери вызвали у Рори раздражение. Естественно, ей трудно с этим справиться! Ее жених исчез куда-то без следа. И если она станет изливать свое горе незнакомцу, который через равные промежутки времени будет кивать: мол, да, я понимаю, – это ровным счетом ничего не изменит.

Придя на кухню, Рори поставила в микроволновку миску с консервированным минестроне и, пока он грелся, взялась за сваленные контейнеры из-под готовой еды и полную грязной посуды раковину. Неужели это то, во что теперь превратилась ее жизнь? Готовые супы и еда из забегаловки. И куча грязных тарелок. Стопки любовных романов и еженедельные стычки с матерью.

Если она вовремя не остановится и не возьмет себя в руки, то превратится в итоге в одну из тех тетенок, что всю свою жизнь тратят на заботу о здоровье и на кормление восемнадцати кошек. Сильное преувеличение? Может, и так. Но это отнюдь не где-то за рамками реальности. Хотя пару кошек ей все же завести не помешает. А еще несколько домашних платьев в цветочек. И, может быть, пару мохнатых шлепанцев.

Рори прикрыла глаза, словно отгораживая эти удручающие образы. Ее растили привилегированным ребенком, типичной малолетней обладательницей трастового фонда. Машины, элитная одежда, во всем дизайнеры – чего ни коснись. Элитные летние лагеря и самые лучшие школы. Ей же самой ничего этого было не надо – ничего, кроме возможности жить собственной жизнью. Взрослея, она мечтала о том, как сумеет наконец избавиться от гравитационного притяжения своей матери и проложить свой жизненный курс. И это уже вот-вот должно было случиться. А потом Хакс пропал, и все их планы сразу развалились.

Где бы она могла быть теперь – в эту вот самую минуту? – если бы, последовав совету Хакса, устремилась за своей мечтой? В собственной галерее искусств для начинающих, никому еще не известных художников. «Неслыханное дело» – так она собиралась ее назвать. На такое необычное название натолкнул ее Хакс. Да и вся идея, собственно, принадлежала ему.

Они тогда отправились в один из местных пабов послушать новую группу и в результате засели там до самого закрытия. Когда вышли из заведения, улицы уже были пусты, и они решили прогуляться. Хакс обнял ее за плечи, и в ту студеную осеннюю ночь исходившее от его тела тепло казалось особенно уютным и желанным. Проходя мимо какой-то скромной галереи, Рори замедлила шаг, любуясь картиной в витринном окне.

– Ты вот любишь искусство, – непривычно серьезным голосом заговорил вдруг Хакс. – Ты профессионально изучаешь искусство. У тебя степень бакалавра в области изящных искусств. Как же так получилось, что ты сама искусство не творишь?

В ответ Рори лукаво улыбнулась:

– А кто сказал, что не творю?

– Погоди! Ты занимаешься живописью?

– Живописью? Нет, что ты. Я лишь немного экспериментирую с тканями, но только в качестве хобби. Только и всего. Искусство порой вызывает много беспорядка, а моя мать ни за что бы не потерпела беспорядка в своем доме. Если она все же своего добьется, то я пойду по ее стопам и стану историком искусства или реставратором. Респектабельным и приличным.

– А вдруг это «экспериментирование с тканями» и есть *твой* путь?

Рори в растерянности устала на Хакса, с ужасом видя, что он ждет от нее ответа, и с еще даже большим ужасом понимая, что ответа у нее нет. Никто и никогда не спрашивал у нее, к чему стремится она сама. Ей лишь предоставлялись на выбор варианты – преимущественно матушкой, – точно меню в китайской забегаловке. Выбрать что-то одно из колонки А, а другое – из колонки Б. Колонка А предполагала брак с *подходящим, достойным* мужчиной, дети, оформленный со вкусом дом, а в колонке Б значились опции ее будущей карьеры. Собственно говоря, никому из Грантов или Лоуэллов не было необходимости работать, да и в семьях со столь древними фамилиями и с еще более древними состояниями приносить пользу миру каким-то более деятельным и ощутимым способом считалось вульгарным. В конце концов, они же не с Палм-Бич сюда явились!

– Я, правда, и не знаю, – ответила наконец Рори. – У меня была мысль обустроить себе где-нибудь маленькую студию. Настоящую студию с видом на море. И создавать там прекрасные морские пейзажи из всевозможных тканей.

– А такое, что, бывает?

– Это называется арт-текстиль. Представь такое сочетание живописи и скульптуры, выполненное из кусочков ткани. Я всегда любила морской берег, но родителям вечно некогда было меня туда возить. А потому я стала создавать собственные побережья из обрезков ткани. Я до сих пор иногда этим занимаюсь, но с моей учебой трудно найти на это время.

– А почему я до сих пор об этом ничего не знаю?

Рори пожала плечами, внезапно застеснявшись:

– Это всего лишь маленькое хобби.

Хакс привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

– Да, ты, Рори Грант, полна сюрпризов!

Они двинулись дальше, и Рори сунула руку в теплый карман его куртки.

– Почему же я не видел ни одной из твоих работ?

– Одна висит у меня в пустующей гостевой комнате, еще несколько хранятся в чулане.

– У тебя есть гостевая комната, куда ты меня ни разу не пускала?

– Потому что там бардак. Обычно я использовала ее в качестве студии, когда продавала работы.

Хакс резко остановился и заглянул ей в лицо:

– Так... мне показалось, ты говорила о маленьком хобби.

Рори пожала плечами:

– Ну да. Так и есть. Вернее, было. Я же сказала – у меня на это нет времени. Но как-то раз одна моя подружка прихватила с собой несколько работ и показала знакомому интерьерному дизайнеру. Тот взял часть их на реализацию и за две недели все распродал.

– Ага! Вот и еще кусочек правды всплыл на поверхность! И когда я смогу на них взглянуть? Или я до этого не дотягиваю?

От его искреннего энтузиазма в груди у Рори закружились искорки удовольствия. Обычно она весьма неохотно распространялась о своем творчестве – но сейчас ей было так приятно, что кто-то воспринял его со всей серьезностью.

– Если тебе и правда интересно, могу организовать небольшой частный показ. Если ты, конечно, не слишком торопишься домой.

– Что, прямо сейчас?

Рори взяла его за руку:

– Пойдем-ка со мной.

Пятнадцать минут спустя они стояли перед одним из самых престижных бостонских ресторанов морепродуктов «*Finn*», разглядывая удачно подсвеченный морской пейзаж в витринном окне.

Рори стояла тихонько, пытаясь увидеть свою картину глазами Хакса – словно бы впервые. Беспокойное, безжалостное море, усеянный валунами берег и низкое свинцовое небо. Она с кропотливой тщательностью подбирала ткани для этой работы. Муаровый шелк и кусочки мятой тафты, джинсовой ткани, саржи и крепдешина, тюлевой материи и воздушного, словно пенистого, кружева – все это тщательнейше выкладывалось слой за слоем, создавая ощущение глубины.

Эта работа заняла у Рори около шести месяцев и принесла ей колоссальную сумму в семьсот долларов. Впрочем, деньги ее мало волновали. В отличие от других художников, она имела завидную возможность не думать о деньгах. Для нее важно было то, что ее творение висело в витрине одного из самых известных ресторанов, что в правом нижнем углу красовались ее инициалы – и это мог увидеть весь Бостон!

– Ты в самом деле это сделала? – изумленно произнес Хакс, не отрывая глаз от витрины. – Невероятно! Такое чувство, будто в эти волны можно войти. А небо... – Он повернулся, чтобы взглянуть на Рори, и хотя лицо его наполовину скрывалось в тени, она увидела восторженную улыбку. – Рори, это больше, чем хобби. У тебя настоящий талант. А остальные твои работы – такие же, как эта?

– В том же ключе. Но эта – моя любимая. Называется: «К северу от ноября».

– Мне даже не верится! Твои работы должны выставляться в галереях по всему городу.

– Ах, если бы! – усмехнулась Рори.

– А что?

– Невозможно просто взять и выставить свою работу в галерее, Хакс. Особенно если ты никто и никому не известен. Начинающему художнику реальнее сорвать куш в лотерее, чем попасть на приличную выставку. И, кстати, я больше чем уверена, что единственная причина, почему мое творение оказалось здесь – это то, что моя фамилия Грант. Видимо, хозяин ресторана решил таким образом подольститься к моей матери. Но с этим он определенно промахнулся.

– Что, мать твою творчество не поддерживает?

– В том и проблема. Она вовсе не считает это искусством. Или, во всяком случае, – правильным искусством.

– А что означает это «правильное искусство»?

– Мастера-классики. Рембрандт. Рафаэль. Караваджо.

– Так они же умерли уже сотни лет назад!

– Именно.

Нахмурившись, Хакс помотал головой:

– То есть, чтобы твоё творение по достоинству оценили, ты должен сначала умереть? Это как-то совсем несправедливо.

– Согласна. Но тем не менее это так. Пока тебя не станут хорошо продавать на аукционах, никто не возьмет на себя риск выставлять твою работу. Будь моя воля, я позаботилась бы о том, чтобы существовали галереи для художников, о которых никогда и никто не слышал.

– В самом деле?

– Ну да.

– Так возьми и открой такую галерею. Прямо здесь, в Бостоне.

Рори ошарашенно уставилась на Хакса, в то время как в голове у нее уже начал стремительно прорисовываться замысел. Выставочная площадка для художников, о которых еще

никто не слышал. Она пока даже не представляла, как это можно реализовать, да и матери эта идея категорически не понравится... И все же при этой мысли все ее существо охватил трепет волнения и радости.

– Ты и правда думаешь, у меня получится?

– А почему нет? У тебя есть материальные средства, есть связи – и, главное, есть мечта.

– А что, если это все, что есть? Одна мечта?

Хакс обхватил ее за плечи и, притянув к себе, поцеловал в макушку.

– Мечты – они как волны, детка. Надо лишь дождаться нужной волны – той, что словно несет на себе твое имя. И когда такая волна подойдет – ты должен вскочить на нее и мчаться. Так вот, в этой мечте – только твое имя!

Тогда Рори в это всей душой поверила. Но осталась ли в ней эта вера до сих пор?

Ее мечта всерьез заняться арт-текстилем зародилась как пристрастие к винтажной одежде. И вовсе не потому, что она любила наряды. Говоря откровенно, Рори вообще никогда не интересовалась модой. В одежде ее пленяла ткань – то, как она скользила в движении, как ощущалась, как себя вела. Муаровый шелк, рубчатый трикотаж, накрахмаленная кисея, полупрозрачное кружево, узелковый твид и мягчайшие ткани из шерсти ягненка. У каждой – своя удивительная текстура и индивидуальность.

Первая ее попытка что-то сотворить была грубоватой и бесхитростной, и все же страсть к творчеству уже глубоко проникла в ее кровь, побуждая Рори совершенствовать свое искусство, претворяя все новые замыслы и осваивая новые техники. И вскоре то, что начиналось как невинное пристрастие, переросло в потаенную одержимость, вылившуюся в итоге в коллекцию работ с общим названием «Созерцание шторма». Мать относилась к ним всего лишь как к «проектам в области декоративно-прикладного искусства», однако владелец фирмы по дизайну интерьеров настолько проникся энтузиазмом, что выставил несколько работ Рори в витрине ателье. К концу лета он уже распродал всю коллекцию, включая и ту, что висела теперь в ресторане «*Finn*».

Когда ей позвонили сообщить, что «К северу от ноября» продали и отныне он будет висеть в публичном месте, Рори была так взволнована, что ворвалась в мамин кабинет без стука. Камилла снисходительно улыбнулась, выслушав новость, и заявила, что ничуть этому не удивлена. Что, мол, это очень удачное место и что туристы такое любят. Мать вовсе не стремилась принизить достоинство ее работы, и все же эти слова задели Рори довольно сильно, хоть она и старалась не показывать обиду. После этого она все меньше и меньше времени занималась творчеством – пока Хакс, заговорив о галерее, снова не разжег в ней интерес к искусству. Однако вскоре Хакс пропал – и возрожденное им пламя погасло.

К тому моменту, как звякнула микроволновка, Рори уже напрочь утратила интерес к разогреваемому супу. Вместо обеда она отправилась в гостевую комнату, в которой обустроила мастерскую. Она и ногой сюда не ступала с тех пор, как исчез Хакс. Поначалу она работала здесь с самозабвенной увлеченностью – а потом не в силах была даже смотреть на то, что так напоминало ей о нем.

Комната показалась Рори отчего-то меньше, нежели ощущалась прежде. Тесной, порядком захлавленной и немного давящей. В воздухе все еще висел запах тканевого клея. Один угол мастерской занимал письменный стол, усеянный каталогами художественных принадлежностей, в другом – стоял мольберт для эскизов. Вдоль одной из стен тянулись полки со всевозможными тканями, а перед окном стояла подержанная швейно-вышивальная машинка «*Bernina*», которую она приобрела на первых порах, но использовала редко, внезапно обнаружив, что предпочитает все же вышивать вручную. Теперь все это просто покрывалось пылью.

Рори посмотрела на так и оставшуюся без рамки работу, на которой гигантская волна обрушивалась на одну из стен крепкого гранитного маяка. Это была ее любимая картина.

Замысел был навеян увиденной однажды фотографией, которая навсегда засела у нее в памяти. Рори назвала работу: «Бесстрашный» – именно таким и ощущался тот маяк. Стойким, бесстрашным и непобедимым.

Еще четыре ее работы хранились в чулане – часть новой коллекции, над которой Рори как раз и работала, когда Хакс пропал. Совсем не так давно (неужели и впрямь минуло всего пять месяцев?) она прикидывала, как эти текстильные картины будут висеть на стене галереи – ее собственной галереи. Теперь же она была не в состоянии представить что-либо подобное.

Пройдя дальше в комнату, Рори остановилась перед двумя большими пальцами-станками, где уже столько месяцев томилась пара незаконченных произведений. Провела пальцами по одному из них, вспоминая, сколько часов кропотливого валяния ушло на создание каждого изображенного водоворота, каждого взвихрения волны. Теперь она уже их и не закончит. С осени начнется учеба, и у нее просто не будет на это времени. Да и особого смысла в этой работе она уже не видела.

Внезапно у нее снова возник перед глазами тот заброшенный дом на Ньюбери-стрит. Она испытала в тот миг на перекрестке весьма необычное ощущение: как будто кто-то легонько похлопал ее по плечу, и она обернулась, ожидая увидеть за спиной давнего друга. Это не имело ничего общего с теми холодными бесприютными помещениями, которые она в прошлом году осматривала для своей галереи. Внезапно Рори с полной ясностью осознала, что именно это здание на Ньюбери-стрит идеально подходит под задуманную ею галерею искусств – наполненную историей и очарованием старого Бостона, а также теми необыкновенными произведениями, которые она предполагала там выставлять. Идеальное сплетение старого и нового.

«Неслыханное дело».

Название, точно зыбкий шепот, легонько всколыхнулось в ее сознании, словно кусочек реальности, напомнивший о себе после долгого тяжелого сна. Она что, всерьез сейчас об этом размышляет? О том, чтобы жить дальше, осуществлять былые планы, которые отбросила не один месяц назад? А как же Хакс? Не будет ли эгоизмом с ее стороны созерцать красоты галереи, в то время как его жизнь – точнее, их общая жизнь – по-прежнему висит на волоске? И тем не менее Рори сейчас явственно чувствовала, как оживают в ней давно, казалось, омертвевшие планы.

«...В этой мечте – только твое имя!»

Не давая погаснуть этому импульсивному порыву, Рори выдвинула ящик стола и, пошарив среди содержимого, нашла визитку Бретта Глейсона, агента по недвижимости, которого она нанимала в прошлом году для подбора помещения под галерею. Она посмотрела на карточку, с трудом подавляя желание немедленно позвонить.

Что плохого, если она просто поинтересуется тем зданием? Вряд ли ей это, конечно, что-то даст. Не похоже, чтобы в этом доме вообще что-либо находилось. Так что она всего лишь удовлетворит свое любопытство. Так сказала себе Рори, набирая номер.

Спустя пару дней Бретт, раздобыв информацию, ей перезвонил. Когда послышался звонок, Рори несла в гостиную тарелку с яичницей. Как и всякий раз, стоило раздаться звонку, она застыла на месте. Что это? Вдруг какие-то вести о Хаксе?

Поставив тарелку на стол, Рори быстро обвела взглядом комнату, ища беспроводную трубку. К тому моменту, как она нашла аппарат, сердце уже выскакивало из груди.

– Аллю?

– Приветствую, это Бретт.

От его голоса у Рори даже перехватило дыхание.

– Не ожидала так скоро вас услышать. Вам удалось что-нибудь выяснить?

– На самом деле, да. Судя по данным городского архива, собственность эта принадлежит некой Солин Руссель. По-видимому, именно ей принадлежало и размещавшееся в этом здании свадебное ателье, сгоревшее несколько лет назад. Там все было вычищено после пожара, вплоть до последней горелой планки, начались даже ремонтные работы, которые, однако, так и не были закончены. В общем, с тех пор помещение пустует. Впрочем, в мультилистинговой системе недвижимости оно не фигурирует, что означает, что владелица явно не собирается от него избавляться. Странно то, что она держит дом пустым, а не сдает в аренду. Если приложить немного усилий, он мог бы приносить хороший доход.

Рори опустила на диван, второпях обдумывая возможный ответ. Как далеко она готова сейчас зайти?

– Рори? Вы на связи?

– Да, я вас слушаю.

– Вы всерьез рассматриваете идею открытия галереи?

– Пока точно не знаю. Возможно.

– Что же, скажу, что это замечательная новость. Я всегда считал, что это великолепная идея. Но почему после такого количества объектов, что мы посмотрели с вами прошлым летом, вы остановились именно на этом?

– Не знаю. Я просто его увидела и поняла: это оно. Как будто это здание все это время ждало меня.

– Что-то типа женской интуиции?

– Ага, наверное, так оно и есть. А вы не сможете связаться с владелицей по поводу аренды?

Последовала короткая пауза. Слышно было, как на заднем плане зазвонил телефон.

– Разумеется, я могу с ней связаться, – ответил наконец Бретт. – Однако должен быть с вами откровенен. Мы с вами осмотрели порядка двадцати вариантов, и все до единого вы отклонили. Если я собираюсь взяться за этот объект и выйти на эту женщину, я должен быть точно уверен, что вы действительно настроены решительно.

Заявление его было совершенно справедливым и полностью соответствовало истине. Рори действительно отклонила все объекты недвижимости, предложенные им ранее. Не потому, что она плохо представляла, как их использовать, или же не решалась брать на себя обязательства, – а потому что ни один вариант не показался ей «тем самым». Однако вот с этим зданием – которого она вплоть до вчерашнего дня ни разу не замечала и куда еще даже не ступала ногой, – она сразу почувствовала, что это как раз то, что она искала.

– Рори?

– Да, я настроена решительно.

Глава 4

Солин

Я могу отречься от своего Дела – вот только Дело никогда не отрекается от нас. Оно будет бороться за нас, все время пытаюсь удержать, вставая на нашем пути снова и снова, пока мы наконец не проявим к нему должного внимания. Вот что означает быть Избранным.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

29 мая 1985 года.

Бостон

Ровно в восемь утра у меня начинает звонить телефон, и я даже вздрагиваю от неожиданности. Я давно уже не отвечаю на звонки – или, по крайней мере, отвечаю на очень немногие, – а если уж до меня кто и дозванивается, то это редко случается до того, как я выпью утренний кофе. Так что я спокойно даю телефону трезвонить дальше, наполняю френч-пресс кипятком, слегка опускаю поршень – и очень надеюсь, что, кто бы это ни был, он наконец повесит трубку. Я ни с кем не хочу сейчас разговаривать.

Однако телефон продолжает звонить. Я приподнимаю трубку и тут же опускаю. Спустя пару секунд звонки возобновляются. Тогда я вновь снимаю и кладу трубку, не отвечая ни слова в надежде, что звонящий поймет наконец намек и оставит меня в покое. Когда телефон принимается трезвонить в третий раз, я резко хватаю трубку с рычага.

– Я не намерена ничего у вас покупать!

Уже собираясь снова бросить трубку, улавливаю короткий басистый смешок. Звук этот мне знаком и на удивление приятен – пусть даже и в этот ранний час, еще только предшествующий доброй заправке кофеином. Это мой личный адвокат и, как я полагаю, хороший друг, с которым я не общалась уже несколько месяцев.

– Дэниел Баллантайн – ты ли это?

– Да, это я. И я звоню не для того, чтобы навязать тебе покупку. Я звоню узнать, не заинтересована ли ты что-нибудь продать. Или, если говорить точнее, кое-что сдать в долгосрочную аренду.

– О чем вообще ты говоришь?

– Мне вчера вечером позвонили. Кое у кого возник интерес к твоей недвижимости на Фэйрфилд.

При упоминании этого дома по моей спине пробегает холодок.

– Кому-то понадобилось мое ателье?

Следует короткая, но явно неловкая пауза.

– Ну, скажем так: это уже несколько лет не ателье. Однако, да: кое-кто заинтересовался этим зданием.

– Кто?

– Агент не упоминал имени клиента, но, судя по тому, что парень на меня вышел, он, надо думать, проделал немалую работу. Зовут его Бретт Глейсон, он из агентства недвижимости «Back Bay». Они просили устроить небольшую встречу.

– Дом не продается и не сдается.

Дэниел издает звук, которым обычно сопровождает разочарование или досаду, – полуворчание-полувздых.

– Солин, прошло уже три года. Даже больше, чем три, если быть точным. И мы оба знаем, что открыть твой салон снова не получится. Пожар нанес колоссальный ущерб, а учитывая все прочее...

Все прочее...

Я поднимаю перед собой свободную руку и пристально разглядываю ладонь. Блестящая розовая кожа, испещренная неровными, восковой белизны фрагментами. Полусогнутые пальцы, слегка напоминающие птичьи когти. Другая рука, что держит телефон, выглядит получше, хотя и ненамного. Все это результат сильных ожогов, полученных мной, когда мой свадебный салон сгорел из-за непотушенной мною сигареты. Перевязки и шины, физиотерапия, череда изматывающих операций. Опять шины и перевязки, новые курсы процедур. Пока наконец врачи не сошлись на том, что больше ничего уже нельзя сделать.

– Ты имеешь в виду мои руки? – тихо спрашиваю я.

– Я имею в виду все вместе, Солин. Ты приехала сюда одна, без друзей и связей, и, работая как проклятая, из ничего сделала себе известность. Люди никогда не забудут фамилию Руссель и все то, что за этим стоит. Однако теперь ты отошла от дел. Так зачем такому хорошему месту пустовать? Речь ведь идет о большом доходе на нынешнем арендном рынке.

– Я не нуждаюсь в деньгах.

– Согласен. Не нуждаешься. Но также у тебя нет нужды и в терзающих тебя воспоминаниях. Может быть, уже пришло время их отпустить и просто жить дальше?

Его слова высекают у меня искры возмущения.

– Ты думаешь, это так легко? Я подпишу контракт, кто-то другой займет это здание – и все сразу пройдет?

Дэниел издает протяжный вздох.

– Нет, я вовсе так не считаю. Я знаю, через что ты прошла, и знаю, что есть причины, заставляющие тебя этот дом беречь. Но ведь тебе и не придется полностью расстаться с собственностью и со всем, что с нею связано. Хотя, если честно, я не уверен, что потребность держаться за этот дом приносит тебе пользу.

Я угрюмо смотрю на френч-пресс, кляня про себя Дэниела. Ну почему его угораздило позвонить именно сейчас, когда мне так хорошо удавалось притворяться окаменевшей.

– Я не хочу сейчас об этом говорить.

– Просто пообещай мне, что ты об этом серьезно подумаешь.

Я тяжело вздыхаю, уставшая выслушивать его уговоры и нападки.

– Ладно, хорошо.

– Хорошо – в смысле, ты согласна на аренду?

– Хорошо – в смысле, я подумаю.

– Я завтра тебе перезвоню.

– Не завтра, – резко возражаю я. – Послезавтра.

– Годится. Позвоню послезавтра.

Я наконец вешаю трубку и возвращаюсь к своему остывшему кофе. Придется делать все сначала. Вытягиваю поршень и опрокидываю тепловатую жижу в раковину. Я знаю, что Дэниел искренне печется о моем благе, причем не только потому, что я ему плачу. Однако в моей истории имеются отдельные детали, которых не знает даже он. Те, что я спрятала от всех и навсегда. После стольких лет – какое все это имеет значение? Люди вроде меня – такие, как все Руссель, – вымирающий вид. Наш дар мало что значит для мира, который больше уже не верит в магию.

На протяжении поколений история нашей семьи была своего рода частью *conte de fée* – волшебной сказки. Хотя, пожалуй, слово «сказка» не вполне хорошо подходит: в сказках предполагается счастливый конец. Тут скорее речь о небылицах, задуманных как поучительные истории. Об уроках, призванных научить нас жизни и ее последствиям. И за долгие годы как раз возможные последствия род Руссель познал в самой полной мере.

Таких, как мы, называют по-разному. Цыганки, ведуньи, белые ведьмы, шаманки. Где-то нас называют еще и ворожеями, провидицами, хотя мне никогда не нравилось последнее название. Возможно, потому, что оно навевает скорее образ ловких мошенниц, норовящих выудить у ничего не подозревающего прохожего из кармана несколько пенни, образ шарлатанок с их фальшивой магией и вульгарным позерством, сколачивающих себе деньги и раздающих направо-налево банальности. Мы к этим людям совсем не относимся. Для нас наше Дело священно, это призвание свыше.

Во Франции, откуда я родом, мы – *les tisseuses de sort*, ткаельницы заклинаний, что, на мой взгляд, ближе всего к истине. Мы обладаем известными умениями, даром обращаться с определенными вещами, как некоторые – с амулетами и травами, с картами и камнями. Только в нашем случае это – игла и нить. Сейчас нас осталось уже совсем немного. По крайней мере, немного таких, кто зарабатывает на жизнь своим особым ремеслом. И все же кое-кто из нас, ткаельниц, еще остался – главное знать, где такую найти. Было время, я тоже являлась одной из них – как моя *Maman*, и как когда-то ее мать, – когда жила на узкой, извилистой улочке Парижа, в той части города, что в народе прослыла «кварталом мастериц».

Мы были там известны как семья Руссель, являясь мастерами по пошиву платья. А говоря точнее и современным языком – дизайнерами свадебного платья, но с одной специфической особенностью. Невесте, которая под венец наденет платье от Руссель, гарантировано замужество со счастливым финалом. Мы – избранные. Так, по крайней мере, гласит семейная история. Мы – служанки *La Mère Divine* – Великой Божьей Матери. И, как и всем служанкам, нам полагается довольствоваться одинокой судьбой, жертвуя своим счастьем на благо людей. Подобно святым католическим сестрам – «черно-белым изваяниям», как называла их тетушка Лилу, – нас с ранних лет учат тому, что счастливый финал предназначен для других.

Maman утверждала, что это особый дар. Хотя, оглядываясь назад, я вовсе не уверена, что он стоит такой цены. И – да, цена за него всегда была немалая. Владеющему магией неизменно за это чем-то воздается – определенными лишениями и ограничениями. И все Руссель слишком хорошо уяснили свою плату за неповиновение.

На всех нас некогда была наложена порча, *maléfice*, – проклятие, передаваемое из поколения в поколение, – за то, что одна из нас, какая-то неразумная Руссель, чье имя давно уже всеми забыто, использовала свою магию, чтобы увести мужа у другой женщины, нарушив тем самым главную заповедь нашего учения: не причини зла.

Возможно, это всего лишь миф. Хотя подозреваю, что, как и во всех мифах, в нем все-таки присутствует крупица правды. Причем то, что повторяется с регулярной частотой, в конечном итоге обрастает собственной правдой – равно как мерно капающая вода протачивает себе канавку в камне. Так же действовало и напоминание о проклятии, внушаемое, вселяемое во всех нас – и в мою *Maman*, и некогда в ее матушку, и в мать ее матери, – предостерегающее о несчастной судьбе тех, кто сбился с пути своего призвания. Наши сердца, дескать, должны всегда оставаться крепко запертыми, закрытыми для искушений и соблазнов, которые могут заставить нас забыть нашу истинную цель на земле – обеспечивать счастье других. Так гласит катехизис рода Руссель. Однако сердце зачастую все же требует своего, и многие женщины рода Руссель стали жертвами и собственной любви, и ее последствий.

Суеверие, скажете вы? Но я сама наблюдала доказательства, или, по крайней мере, слышала о них из первых уст. Жизель, мать моей матери, брошенная своим художником-неудачником после рождения второй дочери. Тетушка Лилу, овдовевшая, когда ее английский красавец-муж слетел с дороги в кювет в тот день, когда они вернулись после медового месяца в Греции. *Maman*, наконец, оставленная своим таинственным молодым возлюбленным, когда она забеременела. Ну и я, разумеется. Но об этом уже совсем отдельный разговор.

А сейчас вернемся все же к нашему Делу. *Maman* называла его священным, великим призванием, выгравированным глубоко в наших сердцах еще задолго до нашего рождения.

И это, кстати, тоже напоминает мне сравнение с католическими святыми сестрами, хотя мы и не приносим никаких официальных клятв. Для нас обет – это наше имя. И текущая в наших жилах кровь. И наша работа – кропотливо вшиваемые в тонкий шов белого шелкового платья заклинания – тоже наш обет. Причем нам хорошо платят за нашу работу.

В Париже, где мода и громкое имя всегда идут рука об руку, мы оставались относительно неизвестными. Фамилию Руссель едва ли можно было услышать где-нибудь в высоком модном салоне, где французский бомонд потягивал шампанское, лениво угощаясь тартom «Тропезьен»⁸. Выделиться подобным образом могли такие, как Шанель, Ланвен или Пату. Однако где-то в неприметных закоулках нашего города, где женщинам с определенными умениями платят за то, чтобы они хранили секреты других женщин, моя *Maman*, урожденная Эсме Руссель, дочь Жизель Руссель, прослыла как *La Sorcière de la Robe*. Или Колдунья над платьями.

Это наименование перешло к ней, когда умерла моя *grand-mère*⁹, и предполагалось, что впоследствии, когда *Maman* окончательно отложит свою иглу, этот негласный титул перейдет и ко мне. Однако чего-чего, а подобного прозвания я для себя вовсе не желала. Да, я унаследовала материнский дар владения иглой и даже намного превзошла ее дизайнерские способности, но когда доходило до заклинаний, мне было с ней не сравниться. У меня для таких вещей попросту не хватало терпения. А все потому, что мои мысли – мои грезы – витали совсем в иных сферах.

Maman изо всех сил старалась избавить меня от этих грез. Она была довольно суровой наставницей, всегда готовой отругать и крайне скупой на похвалу. По ее мнению, я была эгоистичной и неблагодарной. Никчемный дичок, который рано или поздно навлечет на себя неприятности, если не оставит глупые мечтания и не подчинится своему родовому призванию. «*Un rêveur*»¹⁰, – рыкала на меня *Maman*, когда мои мысли блуждали где-то далеко и руки отвлекались от работы. *Фантазерка!* Да, я более чем заслуживала этого прозвища. Я действительно была настоящей мастерицей грез. Мечтательницей с горящими глазами и затейливыми фантазиями, каковой, собственно, и следует быть юной девушке.

И, как всякая юная девушка, я поверяла свои мечты отдельной книжице. Не той, где я записывала наставления *Maman*, а совершенно иного рода книге. С чистыми белыми листами, ждущими, когда я доверю им собственные эскизы нарядов. Страницы за страницами там заполнялись рисунками одежды, которую я однажды обязательно создам и на которой поставлю свое имя. Свадебные платья и костюмы, сногшибательные вечерние наряды, причем всех цветов радуги. И цвета охры, и небесной лазури, и баклажана.

Таковы были цвета моих юных девичьих грез. Увы, мы, женщины, редко получаем именно ту жизнь, которую бы сами для себя выбрали. Судьбу для нас обычно выбирают те, кто думает, что лучше знает, что нам требуется, и, прежде чем мы успеваем что-либо осознать, нас превращают в кого-то иного, совсем нам чуждого, переделывают по чьему-то образу и подобию. И род Руссель не стал исключением.

В течение семидесяти лет мы содержали салон на Рю Лежанр, живя в небольшой квартире прямо над ним. Он мало походил на прочие подобные салоны, будучи маленьким, но очень изысканным, со ставнями на окнах и с броской красной дверью, которая сразу выделялась среди соседских. Пурпурный, багряный – наш цвет, цвет *la magie*, цвет колдовства. Мы могли бы позволить себе куда большую показуху, сделать яркую причудливую вывеску, витрины с нарядными полотняными навесами – однако наши клиентки ценили конфиденциальность едва ли не так же, как дар моей *Maman* с ее волшебной иглой. И разве можно было их

⁸ Тарт «Тропезьен» – это французское пирожное из сахарной булочки-бриошь, разрезанной на две части и наполненной смесью двух кремов – ванильного и масляного.

⁹ Бабушка (фр.).

¹⁰ Un rêveur – фантазер, мечтатель (фр.).

за это корить? Ни одна женщина – а уж тем более француженка – не захочет, чтобы все вокруг узнали, что ей потребовалась помощь в ее *les choses de cœur*¹¹. Хотя многие в этой помощи действительно нуждались. И тем не менее очень многие невесты получали отказ, сочные неудачной парой с их избранниками и, следовательно, неподходящими для связующего заклинания.

Невозможно было просто прийти с улицы и заказать у *Maman* свадебное платье. Чтобы стать «невестой от Руссель», требовались три вещи: рекомендация от одной из предыдущих клиенток, клятва конфиденциальности и абсолютная честность. Но даже и это не являлось гарантией того, что будущую невесту признают достойной ритуала. Впереди была целая процедура проверки, которую девушке или женщине необходимо было пройти, с вопросами, на которые ей требовалось честно ответить, и, разумеется, с ворожкой на будущее. И все это происходило в крохотной гостиной *Maman*, обустроенной в самой глубине салона.

Потенциальная заказчица приезжала в назначенное время. Совершенно одна. Ни в коем случае не с матерью за компанию. Гостью неизменно ждал поднос с угощениями: тарелка с печеньем и сладкий, горячий темный шоколад в тонких фарфоровых чашечках. *Maman* улыбалась ей обезоруживающей улыбкой над ободком своей чашки и приступала к вопросам.

Как долго вы знакомы с этим молодым человеком? Как вы с ним познакомились? Одобряет ли выбор сына его мать? Одобряет ли ваша мать жениха? Обсуждали ли вы с ним вопрос будущих детей? Была ли у вас с ним интимная близость? Удовлетворяет ли он вас физически? Был ли он когда-нибудь вам неверен? Изменяли ли вы когда-нибудь ему?

Время от времени искательницы пытались солгать, но это не приносило им ничего хорошего. *Maman* чуяла ложь еще до того, как она слетала с языка. И платой за эту ложь был решительный отказ.

После вопросов *Maman* приступала уже к настоящей «проверке годности». Женщинам велено было принести с собой на собеседование какой-то свой личный предмет, а также личный предмет жениха – расческу, например, или кольцо. То, что каждый из них постоянно использовал или касался каждый день. *Maman* по очереди брала в руки эти предметы, глаза у нее затуманивались, дыхание становилось неторопливым и глубоким, пока в сознании не появлялись некие образы. *Отзвуки*, как она их называла. Того, что уже было, и того, что будет.

Для вас это может прозвучать странно, как полная выдумка. Да и для меня самой это казалось странным, когда маленькой девочкой я наблюдала за происходящим в замочную скважину, подглядывая за тем, что совсем еще не понимала. А потом однажды *Maman* мне все объяснила. Каждая душа производит некий отзвук. Уникальный, как отпечаток пальца или личная подпись. И этот отзвук проникает абсолютно во все, что нас окружает. И передает, кто мы такие. И где наше место на земле. И *что* каждому из нас предназначено принести в этот мир. Не бывает одинаковых отзвуков. У каждого он свой и только свой. Но в то же время сам по себе он не полон – будучи половиной идеального целого. Точно зеркало без отражения. А потому каждый отзвук постоянно ищет в мире свою половинку – дабы обрести полноту и завершенность. И как раз это мы и ищем с помощью своей экстрасенсорной проверки – знак того, что отзвуки влюбленных подходят друг другу и действительно стремятся к единению.

Чуть ли не две трети будущих невест, искавших содействия *Maman*, получали отказ, и никакие деньги не могли заставить ее изменить решение. Отказывала она из соображений самосохранения. На кону стояла ее репутация, и ей следовало быть предельно осторожной. Одна-единственная неудача могла погубить и ткагельницу, и ее дело. Погубить, собственно, весь род Руссель.

¹¹ Les choses de cœur – дела сердечные (фр.).

Мне было двенадцать лет, когда *Maman* всерьез взялась за мое обучение. На год раньше, чем ее саму когда-то начала учить ее матушка. Когда я спрашивала, почему раньше, она отвечала, что у нее нет времени ждать. Что, мол, когда настанет час, я должна уже быть готова. Тогда я никак не могла этого понять. И еще несколько лет не понимала. Но все равно делала то, что мне велели. Так начались мои уроки у «колдуньи над платьями».

Обучение мое состояло из трех частей. Первым было ясновидение, на чем, по словам *Maman*, следовало в первую очередь сосредоточиться любой чего-то стоящей *sorcière*¹². Это известно людям в разных вариантах. Гадание на зеркале, воде или кристаллах. Призвание духов. Ворожба. Впрочем, как это ни назови, разницы, на мой взгляд, нет. *La magie* – штука гибкая и могущественная, и в то же время податливая, легко приспосабливающаяся ко многим формам и способам применения. Запах. Звук. Взор. Прикосновение. Даже вкус порой используется, если практикующий магию достаточно опытен. Для женщин рода Руссель – это прикосновение и способность почувствовать определенную личность, ощутить отзвук ее души всего лишь кончиками пальцев.

Что же касается заклинаний – и чьего-то конкретного счастья, – то не бывает такого, чтобы что-то одно подходило всем. Надежность магии, эффективность ритуала напрямую зависят от того, насколько хорошо удалось проникнуть в личность заказчицы и ее избранника, понять, что они собою представляют и как проводят свою жизнь, что ими движет и что составляет суть их существования. Чтобы в итоге получить нужный результат, ты должен докопаться до истины.

Мы занимались каждый день после закрытия салона, упражняясь на разных предметах, которые *Maman* где-то находила или покупала недорого на барахолке. Она учила меня, как заглушить все внутри, как рассеять взгляд и замедлить дыхание – медленно-медленно вбирать и выпускать воздух, – пока все лишнее не отступит и на поверхность не явятся хранимые этими предметами образы. Любовь, потери, дети, свадьбы, несчастные случаи, болезни – все это начинало проноситься перед моим взором, точно страницы альбома со скрапбукингом. А потом *Maman* подробно обо всем меня расспрашивала, чтобы понять, насколько результаты моего видения личности совпадали с ее.

Сначала я чувствовала себя ужасно, огорошенная всем тем, что мне являлось. Я была еще очень юной, и мне было крайне неловко оказываться посвященной в некие интимные подробности жизни незнакомых мне людей – как будто я подглядывала за ними через жалюзи или читала чужие дневники. Но *Maman* в ответ на это лишь раздраженно закатывала глаза.

«Помни, что отзвуки не лгут, – наставляла она меня. – Это все равно что книга воспоминаний о человеке, лишённая иллюзий и самообмана. Только голая и неприкрашенная правда, которая и служит основой для всего остального».

Под «всем остальным» она подразумевала сотворение заклинания.

Для каждой невесты, идущей под венец в платье от Руссель, создается отдельное, особенное заклинание. Тщательно подобранные слова заключаются в небольшой стих, задача которого – устранение отдельных препятствий и обеспечение счастливого исхода замужества. Написание связующего заклинания считается священным делом и должно выполняться с искренним проникновением. Ни в коем случае не в спешке, а также с напрочь отсутствующим намерением подчинить волю другого человека. Оба влюбленных должны добровольно стремиться к союзу, и оба должны всецело верить в связующую силу заклинания. Вера – это вообще краеугольный камень любой магии. Без нее даже самые могущественные заклинания бессильны.

Когда заклинание полностью составлено, оно вшивается в свадебное платье – потайными стежками аккуратно вставляется в тот шов, что лежит ближе всего к сердцу невесты. Слова

¹² Sorcière – колдунья, ворожея (*фр.*).

вышиваются белой шелковой нитью, и стежки эти почти неразличимы невооруженным глазом. Своего рода защита от копирования или присвоения посторонними людьми. Связующие заклинания вызывают мощнейшую магию и в неосторожных руках могут нанести ужасный вред, который трудно – а скорее, даже невозможно – обернуть вспять. Однако в умелых руках связующее двоих людей заклинание гарантирует им как защиту, так и счастье в браке. В день свадьбы, когда влюбленные обмениваются клятвами верности, их союз становится *envoûtée* – скрепленным чарами.

И как раз эта часть обучения давалась мне с наибольшим трудом. Я была нетерпелива, отчего у меня все получалось неуклюже. Возможно, так было потому, что мне это занятие казалось невыносимо скучным. Я мечтала шить платья – красивые, мерцающие блестками, подобные тем, что можно было увидеть в журнале «*La Joie des Modes*»¹³. Но максимум, что позволяла мне делать *Maman*, – это подбивать подол или переводить на ткань выкройку, пока я как следует не овладею искусством создания заклинания.

Мне это казалось ужасно несправедливым. В пятнадцать лет я уже владела иглой ничуть не хуже, чем она, – а, может быть, даже и лучше, – и у меня был целый альбом с эскизами, полный замечательных идей, которые я жаждала воплотить в жизнь. Пышные, как у принцесс, юбки, туго затянутые талии, расшитые бисером лифы, широкие атласные банты со свисающими лентами такой длины, что они скользили вслед по полу. Эти платья, мимолетно приоткрывающие взору плечи, часть спины или груди, призваны были воспеть прекрасные женские формы.

Maman с презрением восприняла мои идеи, назвав мои платья слишком вычурными, вульгарными, годящимися лишь для сцены. Мнение матери задело меня очень сильно, хоть я и старалась этого не показывать, но однажды после очередного шквала резкой критики я объявила ей, что ее бесформенные дамские наряды уже *très démodé*, безнадежно старомодны, а еще они унылые и однообразные. Что ни одна женщина, огрызнувшись я угрюмо, – даже та, что очень нуждается в нашей помощи, – не захочет идти к алтарю в платье, которое выглядит так, будто сшито из лучшей скатерти ее мамы, и уж тем более за те деньги, которые мы за это берем.

Maman мне ответила так, как я, собственно, и предполагала: что наши клиентки платят не за модный фасон, а за душевное спокойствие. И все же для меня была неприемлема мысль, что невеста от Руссель вынуждена выбирать между модой и *la magie*. Мне было совершенно непонятно, почему они не могут получить одновременно и то и другое. Если бы *Maman* позволила мне сшить хоть пару-тройку придуманных мною платьев и вывесить их в нашем салоне, она бы убедилась, что я права. Однако она оставалась непреклонна. А потому я принялась шить втайне от нее, работая по ночам, когда *Maman* уже гасила у себя в комнате свет. Я грезилась о том дне, когда женщины будут шествовать по проходу между гостями к алтарю в платьях с моим именем на ярлычке.

Сейчас, спустя многие годы, и находясь за океаном, вдали от того города, где я начала свое занятие швейным делом, воспоминания о тех днях по-прежнему свежи и саднящи. Но именно работа помогла мне внутренне собраться после отъезда из Парижа и после всего, что произошло со мной в дальнейшем. Дэниел прав. Несмотря на все, мне удалось сделать себе имя в незнакомом городе и продолжить наследие рода Руссель, причем так, что *Maman*, надеюсь, могла бы мною гордиться. Со своим салоном я обрела почву под ногами. И сумела найти самое *себя*. Продать этот дом – неважно, сколько ему довелось пустовать, – означает отпустить все это навсегда, отпустить память о себе самой. И я не уверена, что сейчас к этому готова.

¹³ «Радость моды» (фр.).

Глава 5

Солин

У человека всегда должна быть свобода воли. Не нам пытаться навязывать другим свои убеждения и убеждать кого-то следовать нашей вере. Мы не выискиваем тех, кто нуждается в нашей помощи. Скорее, они сами должны нас найти и обратиться за содействием.
Эсме Руссель. Колдунья над платьями

31 мая 1985 года.

Бостон

На сей раз Дэниел выжидает со своим звонком до «после завтрака». Я решаю не брать трубку и дать телефону трезвонить вволю, хотя и понимаю, что это бесполезно. С него станется просто появиться в дверях с коробкой моих любимых трюфелей. После стольких лет знакомства он знает, чем меня пронять.

Я не торопясь наливаю себе в чашку кофе, а телефон все продолжает звонить. Уже семь гудков. Восьмой. Девятый. Я по-прежнему не представляю, что ответить Дэниелу. После его первого звонка я даже не позволила себе об этом задуматься. Но теперь-то мне все равно придется об этом поразмыслить, потому как Дэниел прекрасно знает, что я здесь (где ж еще я могу быть!), и так легко не сдастся.

– Ты уже становишься назойливым, – ворчу я в телефон, сняв наконец трубку.

– А вдруг это не я? – В голосе Дэниела слышится улыбка, к которой примешивается легкий оттенок раздражения от того, что я заставила его столько ждать.

– Кто ж еще станет мне звонить?

– Что верно, то верно. Ну что? У тебя появился план действий?

Я делаю глоток кофе и невольно морщусь, когда, горячий и крепкий, он проскальзывает по моему горлу. Единственное, чего я *хочу* – так это обратить время вспять, вернуть ту пору, когда у меня еще были мечты, когда мое сердце еще не успело покрыться льдом.

– Нет, – безразлично отвечаю я, – у меня не было на это времени.

– Я знаю теперь немного больше, чем в прошлый наш разговор. Вчера мне снова позвонил тот самый агент. Его клиент подыскивает помещение под галерею искусств. Они определенно настроены на аренду, а не покупку, и это означает, что ты на самом деле с этим домом не расстанешься. Вы станете как бы... совладельцами. Ради благого дела.

Я протяжно вздыхаю:

– В городе полным-полно недвижимости. Почему ему понадобилась именно моя?

– Если точнее, то *ей*. Хотя агент так и не упомянул ее имя. Он мне сказал, что в этой новой галерее будут выставляться работы еще никому не известных, но подающих надежды художников. Его клиентка даже придумала для нее название. Хочет назвать галерею «Неслышанное дело».

Я прокручиваю в голове название. Умно. И достаточно интригующе. Сразу чувствуется, что женщина придумала.

– Тебе сразу надо было сказать, что дом не сдастся, – резко говорю я, раздраженная тем, что жизнь, похоже, решила швырнуть меня обратно к прошлому, в то время как единственное, что мне нужно – это чтобы меня просто все оставили в покое.

– Я не твой сторожевой пес, – отвечает Дэниел тем тоном, который он приберегает обычно на тот случай, когда я становлюсь невыносимой. – Я твой адвокат, поверенный. И моя задача – давать дельный совет, когда речь идет о чем-то серьезном. А это – действительно серьезный вопрос. Им известно про пожар и про то, что ремонт в здании так и не был завер-

шен. Глейсон сказал, что его клиентку это не пугает. Кстати сказать, они уже почти год подыскивали помещение под галерею, и ничего из того, что он ей показывал, не соответствовало ее требованиям. Так что она отложила всю затею в долгий ящик. А потом однажды заметила это здание в сплошном ряду домов и просто поняла, что это *она*. Приведу ее точные слова. Она сказала, что у нее возникло такое чувство, будто этот дом стоял и ждал ее.

«Стоял и ждал ее...»

Эти слова как будто вызвали у меня в груди вибрацию – как камертон отзывается после удара.

– Она сочла, что это здание – принадлежащее мне здание – стояло и ждало ее?

– Так мне сказал ее агент. Кто разберет этих любителей искусства!

– Я тоже любитель искусства, – сухо отвечаю я.

– Ну, разумеется! Так, может, вы с этой дамой, желающей стать хозяйкой галереи, – вообще родственные души? Мне организовать вам встречу?

– Я ничего подобного не говорила.

– Знаю. Но, может, она все же права? Может быть, этот дом действительно дожидался ее? И, может, ты тоже именно ее и дожидалась? Ведь речь идет только об аренде. И тебе уже известно, что использоваться помещение будет под нечто значительное. На благо искусства...

– Прекрати меня обхаживать, Дэниел. Я не ребенок.

Надо отдать ему должное, он сразу умолкает. Сказать откровенно, я порой действительно веду себя как дитя, угрюмое и немислимо упрямое. С которым очень трудно сладить. Видимо, такое и получается, когда жизнь лишает тебя всего, о чем ты когда-то мечтал и к чему стремился. Однако теперь появился некто, пытающийся осуществить свои возвышенные замыслы. Некто, лелеющий мечту. Некто, верящий в искусство и в тех, кто его творит. Неужели я и правда хочу сыграть в этом деле роль этакой мегеры, которая разом все сорвет?

– Солин? – наконец подает голос Дэниел.

– Договорись о встрече.

Мгновение изумленной паузы.

– На какой день?

– Сам выбирай. Меня на этой встрече не будет.

– Разве ты не хочешь познакомиться с этой таинственной особой?

– Нет. – Мой ответ слетает с губ так быстро, что это удивляет даже меня саму.

Меня никогда особенно не заботила деловая сторона вещей. Вот почему у меня есть личный адвокат. Дэниел вправе вести переговоры и может завершить сделку, если до такового дойдет, а потом отправить мне документы курьером. Я же способна выносить деловую часть лишь до тех пор, пока мне не придется просиживать все эти обсуждения с улыбкой на лице, притворяясь, будто я не помню, как стежок за стежком прокладывалась моя жизнь. Потому что я все прекрасно помню.

Я помню тот день, когда узнала, что в Париж неминуемо войдут фашисты. Я помню, где я была и что на мне было надето. Помню, во что была одета *Maman* и что она мне сказала. И помню, как не хотела в это поверить. Потому что это было немислимо! Но *Maman* все знала лучше и начала потихоньку собирать все то, что нам может понадобиться – что *мне* может понадобиться. И готовить меня к грядущему.

Глава 6

Солин

*Крестик на шее и магическое заклинание в кармане могут уберечь тебя от охотников на ведьм, но против нацистов они бесполезны.
Эсме Руссель. Колдунья над платьями*

17 сентября 1939 года.

Париж

Уже почти пора закрывать салон, и я прибираюсь в мастерской, сетуя на то, что по углам начинают скапливаться рулоны тканей. Внезапно швейная машинка *Maman* затихает.

– Скоро наступит время, – мрачно произносит *Maman*, – когда для выживания нам понадобится нечто большее, чем мука и сахар.

Надо сказать, моя матушка никогда не была склонна что-то драматизировать. Она из тех женщин, что живут реалистично, не имея времени на театральные жесты и сцены, и потому это жутковатое предсказание, сделанное совершенно внезапно, застаёт меня врасплох.

Я изумленно смотрю на нее:

– При чем тут вообще мука?

Протянув руку, *Maman* выключает радио, потом складывает ладони на коленях.

– Пришло время мне кое-что сказать тебе, Солин. И я хочу, чтобы ты это внимательно выслушала.

Уже одного этого достаточно, чтобы я насторожилась. *Maman* вовсе не любительница поболтать, и обычно она открывает рот, только чтобы отчитать меня за неровно подшитый подол или за неаккуратно вырезанную выкройку. Однако война многое меняет. Когда я встречаюсь с матерью взглядом, внутри у меня все сжимается. Ее глаза, такие же темные, как у меня, с густыми черными ресницами, внезапно и по непонятным мне причинам наполняются слезами.

Она указывает мне на свободный стул рядом с ее швейным столом:

– Присядь со мною рядом и послушай.

Материнские слезы, столь редкие, пугают меня.

– Что случилось?

– Близятся большие перемены, – начинает она. – Время тьмы, что явится большим испытанием для всех нас. Даже сейчас чувствуется, какой дует ветер. – *Maman* тербит на шее золотой крестик с распятием, что в последнее время носит постоянно. Вертеть его пальцами – новая ее привычка. Точно так же *Maman* постоянно держит в кармане передника нитку с гранатовыми бусинами и рассеянно их перебирает, когда руки свободны от работы.

Oui, моя *Maman* держит при себе четки. А также носит на шее крестик. Впрочем, для таких, как мы, вовсе не редкость быть приверженцем католичества и в то же время практиковать *la magie des esprits*¹⁴. Моя мать не посещает мессы и не ходит на исповеди, и все же теперь она время от времени заглядывает в церковь, чтобы поставить свечку – своего рода защиту от невезения и злого умысла.

Возможно, эта связь восходит еще к раннему существованию христианства, когда наши праздники тоже включали в церковный календарь в попытке приобщить таких женщин, как мы, к «единой истинной вере». Или это пережиток тех мрачных веков, когда человека, не являющегося католиком, могли запросто привязать к столбу и сжечь. Какова бы ни была

¹⁴ Магию духов (*фр.*).

причина, многие владеющие Даром во Франции продолжали опасно балансировать на грани между святыми угодниками и сакральными духами. Особенно женщины.

Женщины во все времена доставляли много проблем власть имущим. Потому что мы обладаем особым видением, особым знанием. Вот и сейчас *Maman* явно постигла нечто такое, что неведомо другим. А потому я сию тихонько, ожидая, что же она скажет.

– Снова эти немцы, – резко произносит она, возвращаясь к нити разговора. – Немцы под предводительством *un fou* – безумца с черной душой. Он попытается забрать себе все. А что не сможет забрать – то уничтожит. – Умолкнув ненадолго, *Maman* кладет ладонь мне на предплечье: – Ты должна быть к этому готова, Со-Со.

Она редко меня касается. И никогда не называет меня Со-Со. В детстве это было одно из моих ласкательных имен, придуманных тетушкой Лилу, и мать оно обычно сильно раздражало. От столь внезапного проявления нежности с ее стороны по моему телу пробегает холодок.

– Откуда ты это знаешь?

– Мне уже довелось это пережить. Причем не так и давно. И теперь это грядет снова. – Склонив голову, она плотно зажмуривает глаза, словно пытаюсь избавиться от страшных образов. – Эта война будет совсем не пустяковая заварушка. Надвигается такое изуверство, такая беспощадная жестокость, каких свет еще не видывал. И, вероятно, не увидит. – *Maman* резко поднимает голову, и ее пронзительный взгляд приковывается к моему лицу. – И тебе понадобится быть очень сильной, *ma fille*¹⁵. И очень осторожной.

Неожиданно я замечаю, что она сильно побледнела, а темные глаза, ищущие мой взгляд, напоминают блестящие жесткие бусины. Почему же я не наблюдала прежде, как заострился овал ее лица и стали тонкими некогда полные губы? Она явно изрядно напугана – а я еще ни разу не видела, чтобы *Maman* чего-то боялась.

Есть что-то, чего она недоговаривает. Что-то такое, что пугает ее сильнее, чем перспектива войны. Внезапно мне тоже становится страшно.

– Когда, *Maman*?

– Через год. Может, чуть больше. Но я уже всю готовлюсь, делаю запасы на черный день. Что-либо достать будет потом все труднее и труднее. И еду, и одежду, даже обувь. Деньги потеряют свое значение, потому что покупать будет нечего и не у кого. Вот почему в мастерской у нас теперь так тесно. И в кладовой внизу. Так что, когда настанет трудный час, у тебя будет все необходимое. И то, что ты сможешь на что-либо обменять. – Ее пальцы вновь нашаривают крестик. – Я боюсь за тебя.

Эти слова словно повисают между нами. Тяжелые слова. От них веет глухим одиночеством.

– Только за меня?

Взгляд матери остается неподвижным. Впервые на моей памяти ее чувства выходят из-под контроля. Глубокий страх. Печаль потери. Немая просьба о прощении. И мгновенно я сознаю все то, чего она недоговаривает, и то, чего до этого момента я просто не позволяла себе замечать. Впалость щек и постоянные тени под глазами, и кашель, который я нередко слышу по ночам. Я вдруг понимаю, что *Maman* больна и что скоро ее не станет.

¹⁵ Моя девочка, доченька (*фр.*).

Глава 7

Солин

Вот уже более двухсот лет существует негласный титул «Колдунья над платьями». Она хранительница родовой тайны, наставница нашего ремесла. Наш дар, хотя и постигается в учении, по сути передается по наследству.

И титул этот тоже передается от поколения к поколению. Когда мать навсегда откладывает свою иглу, ее берет в руки дочь. Так продолжается наше Дело.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

17 января 1940 года.

Париж

По крайней мере, на данный момент кажется, что ничего не происходит. Вынесенные на тротуары столики кафе все так же заняты, а в самих кофейнях стоит гул от разговоров художников и философов, нескончаемо, чашку за чашкой, потягивающих черный кофе и глотающих жизнь, точно собака голую кость. Повара все так же готовят блюда, вина льются рекой, кинематограф привлекает к себе все те же толпы, а мода по-прежнему остается главным развлечением парижанок. И, что самое важное – во всяком случае для нас, Руссель, – влюбленные девушки продолжают выходить замуж. *Maman* говорит, это связано с тем, что гитлеровские полчища движутся по Европе, точно нашествие саранчи. Перспектива появления на наших улицах нацистов всех заставляет нервничать, и невестам отчаянно хочется оказаться у алтаря до того, как произойдет худшее.

Теперь каждый день мы слышим сообщения о новых зверствах гитлеровцев. Одна женщина, сбежавшая из Берлина со своими престарелыми родителями, рассказала *Maman* о той страшной ночи, когда она своими глазами видела, как десятки живших в ее квартале евреев согнали и отправили в специальные лагеря, как их синагогу сожгли, весь их бизнес разорили, а улицы, где они жили и работали, сплошь покрылись осколками битого стекла. «*Kristallnacht*», как они это называли – Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин¹⁶. Мы, разумеется, уже слышали о тех событиях по радио, однако совсем не так, как это рассказала она.

А сегодня с утра стали поступать сообщения о том, как матери в отчаянии сажают своих детей в поезда, вверяя их в руки совершенно незнакомых людей, лишь бы спасти от грядущей беды. *Maman* непрерывно всхлипывает. Она хуеет и сохнет на глазах, став уже такой изможденной, что кости на лице проступают из-под кожи. И кашель у нее с каждым днем все сильнее. Она отказывается показаться врачу, с пугающим спокойствием уверяя меня, что это все равно ничего не даст. Между нами нет больше никакого притворства. Она умирает, и все, что мне остается – это наблюдать и ждать.

– Будем надеяться, это не скоро еще произойдет? – спрашиваю я, когда *Maman* выключает радио и осторожно откидывается спиной на подушки. – Я имею в виду, когда они заявятся в Париж.

Она отворачивает голову, протяжно кашляя в носовой платок, и от этого хриплого, надрывного клекотания становится измученной и бледной.

– Они с каждым днем все ближе. И не остановятся, пока не заберут себе все.

¹⁶ Имеется в виду серия еврейских погромов, прошедшая в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года по всей нацистской Германии, в части Австрии и в Судетской области, которая осуществлялась военизированными отрядами и гражданскими лицами.

В ее ответе ничего нет удивительного. Примерно то же самое говорят и на *Radio Londres*¹⁷.

– Они и так уже заняли пол-Европы. Зачем им Париж?

– Они хотят расчистить для себя всю Европу. Многие при этом погибнут. А те, кто останется, потеряют абсолютно все.

Я согласно киваю, потому что теперь уже нет ни малейших сомнений, что *Maman* права. Каждый день приносит нам новые жуткие вести. О рейдах с охотой на людей и массовых облавах. О курсирующих по Европе поездах, битком забитых узниками, которых везут в особые лагеря. Это коммунисты, евреи, цыгане...

– Что же, никому от этого не спастись?

– Уцелеют лишь те, кто готов закрыть на все это глаза и поддержать их. Кто-то даже получит от этого выгоду. А всех прочих ждут страдания – они придут сюда со своими косами, уничтожая всех, кто встанет у них на пути. Вот только меня здесь уже не будет. И совсем некому будет тебя защитить.

Мне очень хочется сказать матери, что она ошибается. Что она поправится и все будет хорошо. Но мы обе уже понимаем, что это не так. А потому я ничего не отвечаю.

– Я получила письмо от Лилу, – внезапно сообщает она.

От этой новости я, можно сказать, теряю дар речи. *Maman* так и не простила свою младшую сестру за то, что та, влюбившись в англичанина, удрала из родного дома, чтобы выйти за него замуж. Он был состоятельным и молодцеватым щеголем, с квартирой в Лондоне и с загородным имением, где он держал овец и лошадей. Мне все это казалось невероятно романтическим. *Maman* же восприняла все совершенно иначе, и когда из Англии пришло письмо, сообщавшее, что муж Лилу погиб, она не проявила практически никаких эмоций. Порвала письмо в клочки и кинула в огонь, бормоча, что все это было вполне предсказуемо и что, мол, так ей и надо за то, что от нас откололась. Теперь же, более десяти лет спустя, ей, похоже, пришло еще одно письмо.

– Я не знала, что вы с Лилу переписываетесь.

– Война многое меняет, – натянуто отвечает мне *Maman*. – К тому же... нам было что обсудить.

– Ты сообщила ей, что слегла?

– Она написала, что ты можешь к ней приехать.

Я недоуменно смотрю на нее:

– Что, в Лондон?

– Пока что такое возможно. Хотя и ненадолго. – Она вновь удивляет меня тем, что непроизвольно тянется к моей руке. Ее худые пальцы с побелевшими от напряжения костяшками взволнованно обхватывают мою ладонь. – Я хочу, чтобы ты уехала, Солин. Хочу, чтобы ты была в безопасности. Тебе не следует оставаться в Париже. Никому, на самом деле, не следует здесь оставаться. Ты должна уехать. Завтра же.

– Без тебя?

Ее веки, затрепетав, опускаются.

– *Oui, ma fille*¹⁸. Без меня.

– Но как...

Maman мотает головой, обрывая меня на полуслове:

– Тебе нельзя здесь оставаться, Солин. С моей стороны глупо было думать, будто забитая кофе и сахаром кладовка сумеет тебя уберечь. Ничего подобного! Ничто тебя не спасет, если они решат за тобой прийти.

¹⁷ Радио Лондона (фр.).

¹⁸ Да, моя девочка (фр.).

Панический страх в ее глазах настолько очевиден, что я чувствую, как мои волосы встают дыбом. Я даже прищуриваюсь, уверенная, что она знает нечто такое, чего не знаю я.

– С чего вдруг им за мною приходиться, *Maman*?

В глазах у нее появляется горячий блеск, к страху будто примешивается лихорадка.

– Неужели ты не понимаешь?! Им не нужна причина! Хотя они все равно ее найдут. Такие всегда находят способ оправдать свою ненависть, а остальным людям дают убедительный довод для послушания. Они вкладывают в сознание людей нужные слова, внедряют, точно заразу, и ждут, когда это распространится. И люди у нас в Париже – те самые, с которыми мы хорошо знакомы, – тоже будут заражены. И когда эта эпидемия расплзется, люди станут указывать пальцем на любого, кто, как им кажется, сможет обеспечить им спасение. Пожалуйста, умоляю тебя – уезжай к Лилу!

– Как я могу уехать? – выпаливаю я несколько резче, чем бы мне хотелось, но ведь и она просит от меня невозможного. Мы никогда не были с ней близки – как это порой бывает у дочерей с матерью, – и все-таки она моя мать. И я просто никак не могу ее здесь бросить. – Ты настолько ослабла, что не можешь даже сойти по лестнице и едва способна приготовить себе еду. Если я уеду, за тобой некому будет ухаживать.

– Ты должна, Солин. Ты обязательно должна уехать. Немедленно.

– А как же наше Дело? Кто-то же должен здесь быть, чтобы продолжать работу?

Она тяжело вздыхает, явно утомившись от споров.

– Не будет никакой работы, Солин. Не будет никаких невест, потому что не останется женихов. Мужчины отсюда уйдут. Почти что все.

От этих слов мне будто нечем становится дышать. Я слышала рассказы о прошлой войне, о том, как после нее в городе не хватало мужчин брачного возраста, потому что все ушли воевать и большинство не вернулись. Никогда не думала, что такое может случиться опять! Но разумеется, *Maman* права. Клиенток уже стало гораздо меньше, а дальше будет только хуже. Ну так и что с того? Я все равно не могу сделать то, о чем она просит!

– Я не оставлю тебя здесь одну!

– Ты просто маленькая глупышка! – Сверкнув глазами, она хватается за запястье. – Как ты не понимаешь, что, когда придет мой срок, будет уже неважно, здесь ты или нет! Что ты все равно не можешь остановить то, что со мною происходит. Это тебе не по силам. Никакая магия это не остановит. Или то, что на нас надвигается. Тебе нечего здесь делать.

Я отворачиваюсь, уязвленная такой резкостью *Maman*. У нас всегда с ней были очень непростые отношения, с прохладными промежутками мира и колючими, обидчивыми отмалчиваниями. Нас нескончаемо, точно быстрый, неодолимый поток, разделяло ее недовольство и неодобрение, потому что я напоминала ей о былых ошибках.

Когда-то у меня был отец – мужчина, которому удалось как минимум однажды завлечь в свою постель Эсме Руссель. Я не знаю его имени. Знаю только, что он был музыкант и учился в Париже. И то, что он уехал, так и не женившись на ней. *Maman* никогда о нем не заговаривала, а Лилу, несмотря на все мое любопытство, странным образом отказывалась говорить на эту тему. А потому он так и остался для меня неясной тенью, давнишней оплошностью, наказание за которую несла маленькая девочка.

Помню, как однажды Лилу сказала мне, что *Maman* была одной из красивейших девушек Парижа и что обязана она этим текущей в наших жилах цыганской крови. Что поэтому, мол, все женщины рода Руссель так похожи на цыганок (и что именно это и объясняет нашу способность к магии). И еще сказала, что только *Maman* оказалась наделена больше, чем она, и тем, и другим. Возможно, это правда. Может статься, *Maman* и впрямь некогда была очень красивой, однако от постоянной горечи в душе ее черты стали жестче, и я поклялась себе, что со мною такого ни за что не случится. И все же, стоя иной раз перед зеркалом, я вместо себя вижу ее – такую, какой я могу стать, если не буду осмотрительной. Холодную, раздражи-

тельную и бесконечно одинокую. Впрочем, иногда я вижу там Лилу – которая тоже, оглядываясь назад, словно вопрошает меня, как я распорядюсь своей жизнью.

Лилу, которая остригла волосы и стала красить губы, которая называла меня *ma pêche*¹⁹. Которая последовала зову сердца, вышла замуж за британца и уехала далеко от Парижа. Лилу была совсем не такой, как *Maman* – насколько вообще могут различаться сестры, – и я ее обожала. Она не была сторонницей правил и запретов и не верила в раскаяние – или в грех, который, по ее мнению, был лишь уловкой, придуманной для того, чтобы заставить женщин испытывать чувство вины за свои желания. Как я девчонкой мечтала быть такой, как она! Так же храбро смотреть миру в глаза и дерзко пренебрегать его мнением. Стремиться к собственным мечтам и следовать лишь своим желаниям. И, возможно, мне и удастся стать такой когда-то, – но не сейчас, когда *Maman* так сильно во мне нуждается.

¹⁹ *Ma pêche* – мой (сладкий) персик (фр.).

Глава 8

Рори

16 июня 1985 года.

Бостон

Затаив дух, Рори ступила в сумрачное помещение. Электричество обещали подключить только завтра, и все же с шести часов вчерашнего вечера этот дом был в ее распоряжении – целиком и полностью, с уже внесенной платой за аренду.

Рори не могла здесь долго оставаться. К одиннадцати ей необходимо было явиться к матери на бранч. Однако новенький комплект ключей, переданный ей вчера Дэниелом Баллантайном как будто прожигал карман. И вот, пользуясь тем, что на улице светло, Рори приехала сюда, чтобы впитать атмосферу дома и вообще, так сказать, насладиться моментом.

Тусклый свет, проникавший в помещение через грязное витринное окно, создавал странное ощущение, будто все это находится под водой. Двинувшись в обход переднего зала, Рори прищурилась, надеясь, что глаза адаптируются к слабому освещению. В нынешнем состоянии едва ли это место можно было назвать гламурным, хотя когда-то здесь располагался один из наиболее престижных свадебных салонов Бостона, принадлежавший портнихе из Парижа, известной своим изысканнейшим вкусом и авангардными дизайнами платья.

Даже будь у Рори время хорошенько все обдумать (чего у нее, естественно, не было), то одной истории этого дома было достаточно, чтобы подвигнуть ее на столь рискованный шаг, – одной мысли о том, что когда-то в этом доме было царство тафты, органзы и нежно-кремового атласа, из которых творилось нечто прекрасное и непреходящее. Для Рори это был как будто знак – словно сама судьба и впрямь послала ей волну с ее именем на гребне. Быть может, именно поэтому Солин Руссель не продала этот дом после пожара – потому что он предназначался для нее, для Рори, и для ее будущей галереи.

Как только было принято решение, все закрутилось чрезвычайно стремительно. После нескольких телефонных переговоров с адвокатом Солин Руссель и, наконец, одного очень быстрого показа дома Рори сделала официальное предложение аренды, за которым последовал еще раунд переговоров, и наконец предложение было принято. Она ужасно нервничала, ожидая, когда будут составлены все документы, и боясь, что таинственная владелица дома внезапно передумает и откажется от сделки. К счастью, все прошло, как и планировалось – ну, или почти все. Рори очень надеялась, что при подписании документов все-таки познакомится с этой призрачной, неуловимой мисс Руссель. Однако, как обычно, от имени хозяйки дома подписывал бумаги ее поверенный.

Когда сделка была завершена, Рори спросила у Дэниела номер телефона госпожи Руссель или адрес, по которому она могла бы отправить благодарственную открытку, однако адвокат тут же отверг эту идею, объяснив, что его клиентка ведет крайне уединенный образ жизни и абсолютно все деловые вопросы поручает ему. И что, мол, в будущем любые вопросы по арендуемому дому следует направлять исключительно в его контору. Хотя Рори сильно сомневалась, что в будущем у нее может возникнуть потребность в какой-то информации.

Ей уже не терпелось приступить к ремонту дома. Основной ущерб от пожара претерпели помещения на втором этаже и в мансарде, где, вероятно, и возгорелось пламя, однако густой дым и вода оставили и здесь, внизу, свой след. И крышу, и мансардные окна, равно как и окна второго этажа, вскоре после пожара заменили, но после этого, начального, этапа работы по ремонту были оставлены, и помещение представляло собой немногим более, чем оболочку с обнажившейся обрешеткой, там и сям заваленную тряпками, оставленными инструментами и ведрами из-под краски, доверху заваленными всяким мусором.

Подрядчик, которого Рори наняла для ремонтных работ – хороший знакомый Бретта, – прикинул, что работы на первом этаже дома займут, плюс-минус, девяносто дней. После этого ей потребуется несколько недель на то, чтобы красиво обставить помещение и заполнить его художественными экспонатами. Если все пойдет удачно, открытие галереи в октябре может оказаться вполне даже реальным. Или, по крайней мере, в ноябре.

Когда Рори нарисовала в воображении свою галерею в уже законченном виде, душу ей согрела жаркая волна предвкушения. Блестящий черный пол и рассеянный свет, мягкого серого оттенка стены с картинами в красивых рамах. Черные, покрытые лаком плинтусы. Витрины из оргстекла. Расставленные кое-где скамьи для желающих посидеть и что-то обсудить. А впоследствии выше этажом появятся комнаты для коллективных чтений и лекций, и когда-нибудь, возможно, даже творческая мастерская.

Рори окинула взглядом лестницу с черными мраморными стойками перил и кованой в стиле ар-деко решеткой. Как и все прочее, лестница тоже требовала к себе внимания и заботы, но, к большому счастью, там ничего не было вырвано или серьезно повреждено. Рори провела ладонью по холодному черному мрамору, затем по едва ли не чувственному изгибу железных перил, воображая, с каким драматизмом все это освещается огнем со второго этажа, отбрасывая тень на стену. Прямо кадры из фильма в жанре нуар.

На мгновение ей пришла мысль подняться по лестнице и быстро осмотреться наверху, однако времени уже не оставалось. Хотя не то чтобы она очень спешила сообщить матери, что осенью не вернется в колледж. Рори уже несколько недель увликала от встречи, сочтя за лучшее хранить свое решение в тайне, пока не будет наконец подписан договор аренды. Но теперь-то пришло время держать перед матерью ответ.

Может, после бранча ей стоит вернуться сюда? Вымыть окна да убрать отовсюду мусор перед завтрашним приходом бригады? Теперь у нее будет ради чего жить, к чему стремиться. Еще не отпустив перила, Рори собралась было развернуться и отойти, когда вдруг почувствовала нечто. Или ей лишь показалось, что она это почувствовала? Легкая, едва уловимая вибрация прошла по ее пальцам и взбежала по руке – словно отдавшийся в костях звук камертона. Еще более странными были ртутного оттенка вспышки, возникшие, когда она зажмурила глаза – точно зарницы от далекой грозы, отпечатавшие на внутренней стороне век странную мешанину образов.

Мигот отдернув руку, Рори потеряла предплечье. Что это? Разряд тока? Но откуда? Электричества в доме нет уже несколько лет. Вопреки всякому здравому смыслу, она коснулась перил опять – наружной стороной пальцев и очень быстро, как будто проверяла, нагревается ли утюг или конфорка на электроплите. Ничего.

Может, ей это все же показалось? Рори даже не сомневалась, что подрядчик при осмотре первым делом проверил здешнюю проводку, и не припоминала, чтобы он выявил какие-то проблемы. И тем не менее она, конечно же, попросит его осмотреть все еще раз. Меньше всего ей хотелось, чтобы вдруг случилось возгорание электропроводки или, хуже того – чтобы кого-то из гостей ударило на вернисаже током.

Вернисаж!

От одного этого слова, мелькнувшего в сознании, внутри у Рори будто затрепетали маленькие крылышки. Потому что оно заставило ее вновь вспомнить о Хаксе и о его непоколебимой вере в ее замысел. Голос Хакса то и дело звучал у нее в голове – и когда она утром чистила зубы, и когда размешивала в кофе сливки, и когда вела сюда машину. Вот и теперь, когда Рори, подхватив сумочку, направилась к выходу и стала закрывать дверь на ключ, она вновь слышала его голос:

«Мечты – это как волны, детка. Надо лишь дождаться нужной волны – той, что словно несет на себе твое имя. И когда такая волна подойдет – ты должен вскочить на нее и мчаться. Так вот, в этой мечте – только твое имя!»

Когда она добралась до матери, та уже дожидалась ее за столиком на террасе. Услышав приближение Рори, Камилла оторвала взгляд от журнала «Town & Country», приподняв подведенные карандашом брови.

– Аврора? Ты почти вовремя.

В ответ Рори еле заметно кивнула:

– И тебе доброе утро.

– Я лишь хочу сказать, что пока не выносила сюда еду, поскольку не думала, что ты скоро придешь. В духовке томится страта из шпината с помидорами. А еще – маленькие маффины из цуккини, которые ты так любишь. – Она отложила журнал и встала. – Давай-ка откупоривай «Вдову», а я подам завтрак.

Рори с готовностью взялась открывать шампанское, очень надеясь, что после небольшого возлияния ее новость воспримется куда благосклоннее. Всю дорогу она репетировала в машине то, что собиралась сказать матери, заключив в итоге, что в ее приготовлениях нет никакого смысла. Новость была такова, что как-то получше сообщить ее просто не представлялось возможным.

Через пару мгновений Камилла вынесла на террасу блюдо с едой и кувшин с апельсиновым соком.

– Ну, думаю, можем уже и садиться.

Рори покорно начала разливать шампанское, едва не опрокинув один из фужеров. Камилла пристально посмотрела на нее:

– С тобой все в порядке? Какая-то ты рассеянная.

– Все хорошо. Давай завтракать.

Пока они накладывали себе в тарелки страту, за столиком воцарилось молчание. Наконец Камилла подняла свой бокал:

– За солнечные воскресные утра!

Рори послушно, словно отыгрывая свою роль, тоже подняла бокал. Она чувствовала, что мать не сводит с нее пытливых, оценивающих глаз.

Не выдержав наконец, Камилла отложила на стол нож.

– Ты уверена, что ты в порядке, Аврора? Ты сегодня как будто не в себе.

– Все хорошо. – Рори поднесла шампанское к губам, сделала глоток. – Ну что, подготовка к празднику успешно продвигается?

Камилла уставилась на нее с явным изумлением:

– Э-э... в общем да. Я сейчас подумываю, не взять ли тему «Гэтсби». Ну, можешь себе представить: наряды из бурных двадцатых²⁰, блистательные джаз-бэнды. Все украшено перьями и стразами. Черные, золотые, кремовые тона. Все, разумеется, исключительно элегантно, на высшем уровне.

– Не сомневаюсь. А ты будешь играть роль эмансипе?

Легкий и по-девчоночьи звонкий смех Камиллы прокатился по террасе.

– Ну, конечно же, нет. Кому охота это видеть! Я подумывала надеть костюм в тонкую полоску и гамаши, и, может, еще широкую фетровую шляпу. Что ты об этом думаешь?

²⁰ Бурные (или ревушие) двадцатые – эпоха послевоенных 1920-х годов (вплоть до Великой депрессии, начавшейся в 1929 г.) в США, Англии, Германии, Франции, характеризуемая бурным экономическим процветанием, появлением новых технологий, динамическим развитием искусства, его стремительной модернизацией и разрывом с викторианскими ценностями.

Я могла бы сойти за гангстера, а ты – за мою подружку. Побольше всякой бахромы, обязательно боа. А еще – возбуждающие пунцовые губы.

– Звучит забавно. Но все-таки не стоит сбрасывать со счетов модницу-эмансипе. У тебя для этого очень даже подходящие ножки.

Камилла аж закатила глаза:

– Не смеши меня! Я уже давно вышла из того возраста, когда можно сверкать своими коленками. – Она немного помолчала, набирая в ложку несколько ярко-красных ягод. – Ну а ты как? Успела записаться на свой курс на осень?

Вот он и настал – момент истины. Рори вновь взялась за бокал и в один глоток прикончила то, что там оставалось.

– Не совсем. Точнее, нет.

– Но, детка, ты же обещала...

– Я не вернусь осенью в колледж, – решительно выпалила она. Вот тебе и осторожное вступление! – Я вместо этого решила реализовать наконец свои планы и открыть художественную галерею.

Камилла опустила ложку, и ягоды раскатились по скатерти.

– Галерею? Я думала...

– Да, знаю. Я тоже так думала. Но потом я увидела это здание – один из старых домов на углу Ньюбери-стрит и Фэйрфилд, – и с абсолютной ясностью поняла, что это именно то, чем мне и следует заняться.

Камилла шумно вздохнула:

– Аврора, мы с тобой уже об этом говорили. У тебя совсем нет опыта ведения бизнеса. И пока что – никакого мало-мальского опыта в мире искусства. Прежде чем во что-то подобное ввязываться, тебе необходимо закончить учебу. Получить квалификацию и профессиональные рекомендации, чтобы всегда было на что опереться.

– В смысле, если меня ждет провал?

– Ну, в общем, да. И не надо на меня так смотреть. Ты хоть немного представляешь, сколько новых галерей в первый же год терпят неудачу?

– Нет, но не сомневаюсь, что ты меня в это посвятишь.

– Я не хочу, чтобы и ты попала в эту статистику, Аврора. А это непременно случится, если ты не откажешься от этой мысли. – Камилла с совершенно ошарашенным видом помотала головой. – Ты даже ни словом не обмолвилась мне об этом, когда была здесь в прошлый раз! А теперь – так вот запросто! – ты собираешься взять и бросить колледж!

Рори вскинула подбородок:

– Мне на это не требуется твое разрешение.

Камилла явно была захвачена врасплох ее заявлением, однако сумела выдержать ровный тон:

– Разумеется. Тебе уже больше восемнадцати лет, и ты располагаешь собственными деньгами. Твой отец об этом позаботился. Но я все же прошу тебя немного приостановиться, хорошенько все продумать и просчитать – а тем временем закончить учебу. Диплом магистра – это настоящее достижение. То, чем ты сможешь гордиться независимо от того, чем решишь заниматься дальше. И, кстати, что насчет Парижа? Ты же всегда так хотела туда поехать. И этот опыт очень хорошо потом впишется в твое резюме. Кто знает, что ждет тебя в будущем! Может быть, затеянная тобой галерея. А может – и что-то другое. Просто подожди немного – вот и все, что я хочу тебе сказать.

Рори нервно облизнула губы. Потом еще раз.

– Я уже подписала вчера вечером договор аренды.

Лицо у Камиллы словно разом потухло.

– Ох, Аврора... Скажи, что это не так.

– Извини. Я не собираюсь возвращаться в колледж. Или же ехать в Париж. Я хочу заняться именно этим – хочу осуществить свою мечту.

– Свою мечту, – повторила Камилла и пренебрежительно покачала головой. – Еще какой-то год назад я от тебя даже и слова-то такого не слышала – «галерея». И появилось-то оно лишь потому, что Мэттью вложил тебе эту идею в голову. Он считает, что, раз у тебя есть трастовый фонд, то никакой провал тебе не страшен. Он совершенно ничего не знает о мире искусства, но все равно забил тебе голову этой нелепой идеей – открыть галерею для художников, о которых никто и никогда не слышал! И вроде бы ты уже успела отказаться от этой затеи. А теперь снова к ней возвращаешься, потому что просто не знаешь, к чему приложить свои силы.

– Это неправда. Но если бы и так – какое это имеет значение? Почему я не могу просто желать того, чего желаю? Почему все, что бы я ни делала, должно соответствовать каким-то твоим критериям?

– Дело вовсе не во мне, Аврора. И даже не в тебе. Все дело в Мэттью. Ты пытаешься что-то доказать тому, кого здесь даже нет, потому что тебе горестно и страшно. Ты не знаешь самих азов содержания художественной галереи и не знаешь того, что бывает, когда идешь на риск и терпишь неудачу. А я это знаю. Ты пока что совершенно не готова взять на себя нечто подобное, и если бы ты немного спустила пар и все взвесила, ты сама бы это поняла.

Слова эти задели Рори сильнее, чем ей это хотелось бы признать. Если сказать честно, все закрутилось очень быстро, без должной в таких делах осмотрительности. А что, если мать права? Что, если она только что взяла и сиганула с вышки в самую глубокую часть бассейна лишь потому, что Хакс когда-то что-то ей сказал, и потому что для нее невыносима мысль, что она больше никогда его не увидит?

– Ты сделала это, не продумав все как следует, Аврора. Позволь мне связаться со Стивенем Мерцером и попросить его сделать пару необходимых звонков. Тебе это почти что ничего не будет стоить – скоропалительные решения обходятся дороже, – но этот человек знает, как аннулировать контракт. Неважно, что ты там подписала. Он поможет тебе выбраться из этой ситуации.

Рори вся напряглась, негодуя на эту хладнокровную самоуверенность матери.

– Но я вовсе *не желаю* из этой ситуации выбираться.

Камилла подалась вперед, вцепившись обеими руками в край стола.

– А что, если у тебя ничего с этой галереей не выйдет? Об этом ты подумала? Или же ты намерена разбрасываться деньгами, пока не пустишь на ветер весь свой фонд?

Рори поглубже вжалась в сиденье:

– Твоя вера в меня поистине не знает границ.

Лицо Камиллы немного смягчилось.

– Это никак не связано с моей верой в тебя. Я просто не хочу видеть, как ты обманешься в ожиданиях, и опасаюсь, что именно это и случится. Открытие галереи – это очень серьезное дело. И куда более серьезное, если ты к этому толком не готова. По статистике...

– Да, да, это ты уже говорила. Обещаю: если я потерплю крах, то сразу же уеду отсюда и сменю фамилию. Я не стану тебя позорить. А кто знает – быть может, ты наконец станешь мною гордиться.

На мгновение лицо у Камиллы выразило искреннее изумление.

– Ты всегда вызывала во мне чувство гордости, Аврора. Всегда и неизменно.

Рори с вызовом посмотрела ей в глаза:

– В самом деле?

– Ну, разумеется.

– Тогда порадуйся за меня. После всех этих жутких месяцев – наконец в моей жизни происходит что-то хорошее. Отпразднуй это со мной. Пожалуйста!

Камилла прохладно кивнула, с неохотой признавая свое поражение. Взяв со стола бутылку «Вдовы», она наполнила оба бокала, плеснула в каждый апельсинового сока и, наконец, подняла «мимозу», произнося тост:

– За мою дочь – хозяйку будущей художественной галереи.

– Спасибо, – отозвалась Рори, поднося к губам коктейль. Это, конечно же, не походило на мощную поддержку – но таковой она, собственно, и не ожидала. По крайней мере, они достигли некоторого перемирия, и на данный момент этого было достаточно. Их отношения всегда были такими – нескончаемый круговорот летящих стрел и оливковых ветвей. – Я знаю, это совсем не то, чего ты от меня ждала. Но это то, о чем мечтаю я.

Улыбка Камиллы потускнела.

– Ты всегда была гораздо храбрее меня.

Это было странное и внезапное признание. Не раскаяние – ее мать не верила в исповеди и раскаяния, – но очень неожиданный для Рори комплимент.

– Уверю тебя, храбрости тут никакой. Признаться честно, я очень боюсь, что все, о чем ты мне только что сказала, окажется правдой. И то, что я еще к этому не готова. И что причина для этого начинания неправильная. Но эта галерея – первое, к чему я небезразлична за последние месяцы. Да, все это произошло слишком быстро. И да – существует огромный риск, но именно эта новая цель побуждает меня утром подниматься с постели. А в последнее время вставать по утрам мне становилось все труднее. – Рори немного помолчала, впервые сознавая, сколько горькой правды в этих словах. – Мне не просто этого хочется. Мне это жизненно необходимо.

– Тогда, может быть, ты мне поподробнее расскажешь об этом своем арендованном доме? Только боюсь, страта уже остыла. Может, сходить подогреть?

– Нет, нормально. Давай ее просто съедим.

Камилла положила себе на тарелку еще порцию, затем протянула руку за тарелкой Рори.

– Кажется, все же еще теплая. Сыр пока что тянется. Ну а теперь расскажи мне об этом помещении. Где оно находится? Как выглядит?

– Это сразу, как перейдешь Ньюбери, рядом с рестораном «*DeLuca's*». Красное кирпичное здание с прелестной башенкой и с большим эркерным угловым окном. Хотя там работы будет достаточно. Несколько лет назад в доме был пожар, его начали было ремонтировать, но так и не закончили.

– То есть он все это время пустовал?

– Именно. Владелица решила не открывать салон после пожара, но с домом расставаться не стала. Подрядчик, все осмотрев, сказал, что открыть галерею осенью вполне реально. Сначала мы приведем в порядок нижний этаж, а потом, уже открывшись, будем обустраивать верхние. Ах, какая там потрясающая лестница! Из черного мрамора, с кованой решеткой. Смотрится очень впечатляюще. Я думаю выбрать бледно-серый и перламутровые тона, сделать мягкое рассеянное освещение и блестящие черные полы.

Камилла оторвала от тарелки удивленный взгляд:

– Такое впечатление, что ты уже хорошо все продумала.

– Просто я всегда имела представление о том, что хочу сделать. Просторный монохромный интерьер без излишеств. Стоило мне увидеть этот дом, я в то же мгновение поняла, что он идеально для этого подходит. У меня просто возникло какое-то особое чувство, понимаешь?

Изогнув бровь дугой, Камилла положила себе еще клубники.

– И что это за особое чувство?

– Не знаю. Слово он именно для этого предназначен – так, пожалуй. Возможно, я уже сотни раз проходила мимо него, но ни разу не замечала. А потом, недели три назад, я возвращалась домой после встречи с Лизетт – и он вдруг словно сам предстал передо мной. Клянусь, будто по волшебству!

– А что в этом доме было прежде?

– Свадебный салон. Владелицу этого дома зовут Солин Руссель. Я надеялась, что познакомлюсь с ней, когда буду подписывать договор аренды, но она так и не появилась. Ее адвокат сказал, что она почти не выходит.

Камилла чуть сдвинула брови, как будто что-то усиленно вспоминая.

– Мне кажется, я ее знаю.

– Ты правда знакома с Солин Руссель?!

– Прости, но я имела в виду, что просто знаю, кто она. В дни моей молодости все это знали. Она из Парижа – так, во всяком случае, она утверждала. Запомню уже, как назывался ее салон – как-то по-французски, – но клиенток, насколько я помню, у нее было хоть отбавляй. Особенно славились ее банты.

– Банты?

– Это, можно сказать, был ее фирменный знак. Бант Руссель. В той или иной форме они присутствовали на всех без исключения платьях, что она шила. На плечах, на талии, на юбке. Тогда она была очень модным дизайнером, особенно с ее акцентом и небольшим изящным салоном, обещающим, что ее платья принесут удачу в браке.

Рори подняла на мать заинтригованный взгляд:

– Удачу в браке?

– Ну, так здесь поговаривали. Бродил среди женщин такой нелепый слух, будто бы ее свадебные платья гарантируют счастливый исход замужества. Дескать, она шила их вручную и для каждой заказавшей у нее платье невесты делала индивидуальное заклинание на удачу. Отличная фишка, надо признать, – если, конечно, можешь заставить людей в это поверить. Хотя, если подумать, большинство невест готовы поверить во что угодно. Подбрось им какую-нибудь французскую штучку – и они станут есть у тебя с руки. Чем она и пользовалась. Мои подружки были просто без ума от ее платьев.

– Но только не ты.

Камилла пожала плечами:

– То, о чем я грезил в юности, не было материальным. Какой-то местный свадебный салон никогда бы не исполнил моего желания.

– Почему?

– Я была из семьи Лоуэлл, дорогая. А для Лоуэлл не могло подойти ничего, кроме роскошного – такого, как полагается, – платья из Парижа. И мы, естественно, отправились в Париж – навестить в модный дом Диора. Из Бостона мы выехали с двумя чемоданами, а вернулись с семьей.

– Диор! – даже ахнула Рори. Она никогда особо не интересовалась модой, но даже она знала, что свадебное платье от Диора стоит целое состояние. – Надеюсь, фотографии с ним у тебя сохранились. Ты, должно быть, смотрелась очень величественно.

Камилла небрежно фыркнула.

– Оно было белое, типично французское, а еще такое тесное, что мне казалось, я бухнусь в обморок, даже не дойдя до алтаря. Впрочем, со своей задачей оно справилось.

Со своей задачей.

Эти слова в полной мере передавали все отношение Камиллы к священным узам брака. А также ясно давали понять, что пора возвращать разговор в прежнее, куда менее опасное русло.

– А что еще ты знаешь о Солин Руссель?

– Да совсем немного. А что?

– Ну, это же целая история! Разве нет? Зачарованные свадебные платья, чтобы «жить долго и счастливо». А потом ее салон, весь ее бизнес уничтожен пожаром. Странно, почему она

так больше и не открыла ателье? После общения с ее адвокатом у меня сложилось впечатление, будто она живет затворницей. И это очень грустно.

– Я помню тот пожар – вернее сказать, до меня дошли о нем вести. Это случилось примерно в то же время, когда умер твой отец. Не помню уже, с чего все загорелось, но слышала, что она попала в больницу с ужасными ожогами.

Ожоги! Вот что, по-видимому, объясняет ее тягу к уединению.

– А ты знаешь, что с ней произошло? После этого, я имею в виду.

– Не знаю. Сама представляешь, как обычно разносятся новости. Всем интересна сама трагедия, а уже то, что за ней последовало, никого не интригует. Как бы то ни было, она сдала тебе свой дом в аренду, и это главное, что для нас важно.

Рори со смешанными чувствами кивнула. Это верно, история Солин Руссель не должна была бы иметь для нее значение – но почему-то все же зацепила за живое. Возможно, потому, что Рори уже успела в свои годы понять, как потеря чего-то очень дорогого и бесценного способна полностью разрушить человеку жизнь.

Глава 9

Рори

19 июня 1985 года.

Бостон

С желтым линованным блокнотом в руках Рори опустилась на нижнюю ступеньку лестницы, усталая, но счастливая от того, что сумела реализовать еще один пункт из своего списка необходимых дел. Бригада подрядчика доставила уже строительные подмости, чтобы взяться за потолок, Рори же отчистила и отмыла все окна, выбросила оставшийся в доме мусор, обследовала дом вместе с электриком, связалась с теми, кто приедет проверить систему обогрева. Не так-то плохо для двух часов дня!

Если она хотела успеть с открытием к осени, то ей много чего нужно было сделать без проволочек. Необходимо было уже начать подбирать художников, составить четкий маркетинговый план, а также календарь мероприятий, узнать получше, что такое пресс-релиз, провести небольшой мозговой штурм в поисках идей для торжественного открытия. Понятно, что кривая ее становления в новом качестве будет невиданно крутой и что почти наверняка она наделает ошибок, и все же Рори не думала отступать от своего плана. Никто не сможет сказать, что «Неслыханное дело» – всего лишь способ потешить тщеславие за счет папенькиного трастового фонда.

В животе у Рори внезапно заурчало – как напоминание о том, что она нынче пропустила ланч. Она еще раз просмотрела записи в блокноте и заключила, что на сегодня выполнила все, что можно. Теперь можно отправиться домой, перекусить каким-нибудь сэндвичем, принять наскоро душ, после чего заняться будущим рекламным буклетом.

Она уже проверила, все ли везде закрыто, и двинулась по дому в поисках сумочки, когда обнаружила нечто вроде маленькой дверцы, проделанной в темной деревянной обшивке наружной стенки лестницы. Прежде Рори ее ни разу не замечала – но это была именно дверца, с небольшим отверстием там, где, по-видимому, некогда находилась ручка. Стоило подергать ее несколько раз, и дверца поддалась, открыв взору приземистое чернильно-темное пространство, похожее на кладовку. Ни выключателя на стене, ни свисающей от лампы веревочки, ни вообще какого-либо освещения найти не удалось. Опустившись на колени, она наклонилась вперед, посмотреть, что там, в открывшемся проеме, стараясь не думать о том, кто мог бы устроить себе жилище под лестницей дома, пустовавшего почти четыре года.

Пол был деревянный, шероховатый от пыли и какой-то трухи, но, по крайней мере, никакой живности Рори не заметила. Затаив дыхание, она стала вслепую водить руками по проему, сама не зная, что ожидает там найти. С первой попытки ничего не обнаружилось, но на второй раз костяшки пальцев наткнулись на большую и гладкую коробку.

С некоторыми усилиями Рори удалось вытащить из темноты коробку и поставить себе на колени. Это была старая прямоугольная коробка для пышного наряда, очень похожая на вычурные шляпные картонки, что женщины когда-то брали с собой в дальние поездки. Сделана она была из серого плотного картона, с металлическими креплениями по углам, чтобы картон не сминаясь, и с отрезком изрядно потертого шнура, продетого с двух сторон в качестве ручки, чтобы ее можно было носить, как чемодан.

В одном из уголков крышки Рори еле различила какую-то надпись. Основанием ладони она вытерла скопившуюся пыль, после чего проявились рукописные слова: «*Madame Roussel, Paris*». Надо полагать, у Солин Руссель некогда было ателье в Париже, и эту коробку она привезла с собой аж в Бостон. Но что эта вещь делала под лестницей?

Медленно и осторожно Рори высвободила застегивающий коробку шнур, затем аккуратно подняла крышку. Сверху лежало несколько слоев оберточной папиросной бумаги, помятой и пожелтевшей от времени. Едва дыша от волнения, Рори один за другим отогнула их в сторону, пока наконец ее взору не предстало нежное кремовато-белое кружево.

Это платье словно явилось из волшебной сказки: вырезанная сердечком горловина, отделанная радужными кристалликами и крошечными жемчужинами; рукава из органзы с прорезями по всей длине – прозрачные, точно пара стрекозиных крылышек, бережно сложенные друг на друга. Явно винтажный наряд и, судя по качеству бисерной вышивки, почти наверняка сделанный вручную.

Рори с неизъяснимой тоской посмотрела на платье – ей отчаянно захотелось получше рассмотреть и пощупать его легкое и красивое, как будто пенистое, кружево и тонкий, как папиросная бумага, шелк, и бугристую поверхность бисерной вышивки. И все же она колебалась. Тревожить и вынимать на свет сейчас этот наряд – после того, как он так долго пролежал в темноте, – казалось ей чем-то неправильным. Все равно что небрежно обращаться с содержимым гробницы Тутанхамона.

Но это же нелепость! Если бы это платье для кого-то на свете что-либо значило, оно бы не лежало здесь, наглухо закрытое в запыленной коробке.

Когда Рори вынула платье из коробки, оно как будто издало вздох облегчения, обретя долгожданную свободу. Нижние юбки из полотен органзы раскрылись, точно лепестки большого цветка, стоило их немножко встряхнуть, сделавшись светящимися и воздушными. Не меньше изумляла и спинка платья – со шнуровкой типа корсета и широким атласным бантом, свободные концы которого свисали до пола.

Знаменитый бант Руссель.

Рори начинала понимать, как Солин Руссель удалось сделать себе такую известность. Прекраснее вещи Рори еще не доводилось видеть – даже в воображении. Это платье впору было надеть принцессе, пусть даже и очень миниатюрной принцессе. Рукава, явно предполагавшиеся на всю длину руки, на добрые шесть дюймов не доходили Рори до запястья, талия была до невероятного узкой.

Быть может, это платье шилось на заказ, а потом, невостребованное, так и осталось ни разу не надетым? Что же случилось с невестой, которая должна была идти в нем под венец?

Вопрос этот растревожил Рори сильнее, нежели ей хотелось бы признать. Наверное, потому, что в голову ей тут же стали приходить разные сценарии произошедшего, один другого хуже. Неизлечимая болезнь. Предательство возлюбленного. Смерть... Все они заканчивались одним и тем же – тем, что свадьба так и не состоялась.

Рори плотно закрыла глаза, отгоняя эти мысли прочь. Какая бы ни была история – а с этим платьем определенно связана какая-то история, – это чья-то чужая жизнь. Это никакой не знак и не предвестие. К ней лично это не имеет никакого отношения. Так что самое разумное будет положить платье обратно и задвинуть коробку туда, где Рори ее нашла.

Но когда она стала расправлять в коробке полотнища папиросной бумаги, то обнаружила внизу пачку писем и небольшой застегнутый кожаный футляр с золотистой монограммой. Мужской несессер, как поняла Рори, взяв его в руки, – из тех, что берут собой в дальнюю поездку мужчины. Кожа на нем успела обтереться, монограмма начала сходить, но все равно было видно, что это очень дорогая вещь.

Рори растегнула футляр, и половинки его распахнулись по сторонам, точно книга. С одной стороны находился помазок и бритвенный станок с серебряной ручкой, с другой – мужская черепаховая расческа, рожок для обуви из того же материала и пустой флакончик, очевидно, из-под одеколона. Рори провела пальцем по тому, что осталось от монограммы. «Э. В. П.» Эдвард? Элвис? Скорее всего, ей не суждено это узнать. Разве что пачка писем даст какой-то ключ к разгадке.

Рори высвободила конверты из скреплявшей их ленты и, разложив веером, пересчитала. Всего оказалось восемнадцать. Ни на одном не было почтового штампа или указанного, как полагается, адреса. Хотя на некоторых посреди конверта было выведено: «*Mademoiselle Roussel*». То есть передавали их лично, а не по почте. И хранились они все вместе из неких сентиментальных соображений. Может, это любовные послания от некоего Э. В. П.?

Выбрав наугад одно письмо, Рори вытянула из конверта одинокий листок голубоватой писчей бумаги. Послание было на французском. Увы, она уже давным-давно забыла все, что успела выучить на занятиях французским на первом курсе в Тафтсе. Впрочем, дату прочитать она могла: *17 декабря 1942 года*. Декабрь сорока двух с лишним лет назад.

Рори взяла в руки другое письмо, потом еще одно. На обоих были примерно те же даты, и оба были написаны по-французски. Наконец, ближе к самому низу пачки, она обнаружила письмо на английском.

«Дорогая мадемуазель Руссель!

Минут почти год с того дня, как мы с Дэвидом обменялись супружескими клятвами верности, и хотя Вы просили меня подождать нашей первой годовщины, я никак не могу дождаться того дня, когда сумею выразить всю мою признательность за то, с какой добротой и великодушием Вы отнеслись ко мне, когда я пришла к Вам со своими бедами. Ваша невероятная щедрость меня изумляет и поныне. Бедная девушка из Южного Бостона и мечтает никогда не смела о том, чтобы пойти к алтарю в одном из Ваших платьев! Но что самое важное – Дэвид чудесным образом поправился после той жуткой аварии. Это так удивительно, что врачи до сих пор не могут поверить в его столь быстрое выздоровление, а уж тем более объяснить такое. Я всеми силами сдерживалась, чтобы не сказать им, что все дело в Вашем платье. Они, наверное, сочли бы меня сумасшедшей, – и какой-то год назад я и сама бы согласилась, что это безумие. Но теперь я знаю, что именно Вам и Вашему чародейству я обязана нашим счастливым исходом. А также нашим будущим мальшом, который появится на свет уже в новом году. Если я когда-либо чем-то смогу отплатить Вам за Вашу доброту, только дайте знать!

*С глубочайшей признательностью,
Кейтлин П. Шор».*

Рори перечитала письмо несколько раз, с каждым прочтением улавливая для себя что-то еще. Бедная девушка из южной части Бостона. Чудесное исцеление после аварии. Свадебное платье, гарантирующее счастливый финал. Некое чародейство. Все это казалось непостижимым! Но разве не то же самое сообщила ей мать на прошлой неделе за воскресным завтраком? О зачарованных платьях и гарантированном счастливом финале. Неужто такое и в самом деле возможно?

Кейтлин Шор определенно считала так.

Другое выбранное наугад письмо рассказывало примерно то же самое, только датировалось двумя годами позже. Молодая невеста написала письмо в годовщину свадьбы, благодаря госпоже Руссель, что уже спустя месяц после того, как она в «счастливом платье» явилась к алтарю, у них разрешился какой-то очень непростой финансовый вопрос. Третья невеста написала о том, что смогла простить своего жениха за безрассудную неверность накануне свадьбы. Четвертая излечилась от хронического заболевания, которое, как прочили врачи, спустя считанные два-три года приковало бы ее к инвалидному креслу.

Каждое новое послание все с большей силой изумляло Рори. И каждая девушка, написавшая его, относилась к своему удивительному везению особому швейному искусству Солин Руссель.

Логично было заключить, что и написанные по-французски письма содержали схожие истории. Восемнадцать невест. Восемнадцать писем. Восемнадцать счастливых финалов в одной старой одежной коробке.

Рори собрала конверты в стопку, увязала их, как было, и положила обратно в коробку. Пачка писем, охватывающих десятилетия, подвенечное платье, достойное любой принцессы, и мужской дорожный несесер. Все это вместе создавало ощущение какой-то незаконченной истории. Незаконченной и очень грустной истории.

Глава 10

Рори

20 июня 1985 года.

Бостон

Обычно, просыпаясь, Рори находила возле себя книгу, однако этим утром рядом с ней на смятой постели лежало расправленное письмо. Бережно сложив листок, Рори отправила письмо на ночной столик к остальным. Поздним вечером она их все заново перечитала. Точнее, те, что были на английском. Все они являли собой вариации, по сути, одного и того же сюжета, имея в итоге или восстановленное здоровье, или поправленное финансовое состояние, или спасенную карьеру, или разрешенную наконец давнюю семейную распрю, или обретение того, что было когда-то утрачено. И все это происходило благодаря платью, сшитому госпожой Руссель. Во всяком случае, в это искренне верили благодарные ей невесты.

Рори непроизвольно перевела взгляд на коробку для платья, стоявшую на тумбе под окном. Самое простое было бы сразу отнести ее обратно под лестницу, где она не станет заставлять Рори размышлять о так и не случившейся свадьбе. Вместо этого она забрала коробку домой, поскольку у нее рука не поднялась вновь отправлять находку во мрак подлестничного закутка. Понимая, что выглядит это глупо, Рори никак не могла отделаться от того, что сказала ей мать:

«...И для каждой заказавшей у нее платье невесты делала индивидуальное заклинание на удачу».

Встав с постели, Рори подошла к коробке и подняла крышку, провела ладонью по тончайшему рукаву. Такое красивое, и явно не из «массовой» одежды, поскольку мадемуазель Руссель не делала готовые платья на продажу. Оно создавалось персонально для *кого-то*, принадлежало *кому-то*. Но кому? И как с этим связан футляр с набором для бритья? Очень может быть, что и никак, – но это казалось маловероятным.

И какое отношение к этому имеет пачка писем? Ведь совершенно очевидно, что на какой-то момент жизни они представляли собой большую важность – и тем не менее были убраны под лестницу вместе с остальными памятными вещами и остались брошенными, когда салон перестал существовать. Если только... Возможно ли такое, что Солин Руссель не знала, что все это уцелело при пожаре?

Она запустила кофеварку, потом, взявшись за телефон, набрала номер Дэниела Баллантайна. К немалому удивлению Рори, администратор тут же соединила ее с адвокатом.

– Здравствуйте, мисс Грант. Не ожидал так скоро вас услышать. Надеюсь, никаких неожиданных проблем у вас не возникло?

– Нет. Точнее, не совсем. Но мне необходимо лично связаться с мисс Руссель. Я помню, вы предупредили, что она не любит, когда ее кто-то беспокоит, но это очень важный вопрос. Я надеялась, что смогу убедить вас дать мне ее номер телефона.

– Боюсь, должен вам отказать. Как я уже сказал, мисс Грант, все деловые вопросы решаются через меня.

– Обращайтесь ко мне «Рори», пожалуйста. И у меня не деловой вопрос. Это очень личное. Я обещаю не досаждать ей. Мне просто необходимо поговорить с ней.

– А по какому вопросу, смею спросить?

Мало зная Дэниела Баллантайна, Рори не была уверена, можно ли с ним откровенничать или лучше держать подробности при себе.

– С вашего позволения, я предпочла бы не обсуждать этот вопрос ни с кем, кроме самой госпожи Руссель. Это довольно... деликатная тема.

– Все, что я могу сделать – это передать ей ваш номер телефона, – сказал наконец адвокат. – Хотя сильно сомневаюсь, что это что-то даст. Мисс Руссель не любительница телефона. Она и со мной-то редко по нему разговаривает.

– Хорошо, спасибо. Скажите ей, что я нашла в доме нечто, явно принадлежащее ей. Точнее, коробку.

– Какую коробку?

И вновь Рори засомневалась, стоит ли пускаться в детали.

– Просто передайте ей, что я нашла коробку. Если для нее это важно – она поймет.

– Хорошо. Я все передам. Но все же не удивляйтесь, если она не станет вам звонить.

Спустя пару часов у Рори зазвонил телефон. Поспешно отложив список дел на день, который она изучала и корректировала, Рори схватила беспроводную трубку:

– Алло?

В эфире ненадолго повисло молчание, и наконец раздался женский голос:

– Мне нужно поговорить с мисс Грант.

У Рори быстрее застучал пульс.

– Это Аврора.

– Меня зовут Солин Руссель. Мне позвонил мой поверенный, Дэниел Баллантайн. Он сообщил, что вы... кое-что нашли в доме. Точнее, коробку.

– Да, в закутке под лестницей. Не знаю, как она там оказалась, но я подумала, что, может, вы бы хотели забрать ее?

Снова протянулась пауза, на сей раз короче предыдущей, после чего женщина порывисто произнесла:

– Я не знала... Я думала... Да. Да, конечно, я хотела бы ее забрать.

– Я буду рада вам ее привезти, если вы дадите мне свой адрес.

– Нет. Это невозможно... Я уже давно не принимаю гостей.

Рори подавила невольное разочарование. Она так надеялась познакомиться наконец с этой иллюзорной мадемуазель! Но, похоже, этому не суждено было случиться.

– Если хотите, я могу завезти ее в контору мистера Баллантайна, а он вам ее передаст.

– Нет, спасибо. Дэниел чудесный человек, но он бывает иногда не в меру въедлив, а я бы предпочла на многие вопросы не отвечать. Содержимое этой коробки... действительно очень личное, как вы наверняка уже догадались.

– Может, тогда где-то в другом месте? В самой галерее... то есть, простите... в доме на Ньюбери?

– Там на соседней улице есть кондитерская. Называется «*Bisous Sucrés*». Знаете ее? Мы могли бы встретиться там в час тридцать.

– «Сладкие поцелуи», – с ходу перевела Рори. – Да, конечно же. Я буду там в назначенное время.

Рори положила трубку, и ее охватил трепет радости и предвкушения. Наконец-то она сможет познакомиться с таинственной Солин Руссель!

Рори втиснула свою «Ауди» в тесное местечко на парковке вдоль Бойлтон-стрит, опустила в счетчик несколько четвертаков и с высокой коробкой в руках двинулась по тротуару.

Через несколько минут показался и знакомый черно-белый навес той самой кондитерской. Правильное, изначальное ее название – «*Bisous Sucrés*» – было выведено на холсте золотыми витиеватыми литерами, ниже, в скобках, виднелись ярко-розовые строчные буквы английского варианта. Как и всегда, бизнес кондитерской вовсю процветал.

Вглядываясь в лица, Рори неторопливо прошла мимо уличных переполненных столиков, только теперь догадавшись, что и понятия не имеет, кого именно искать. На радостях она совсем забыла спросить у мисс Руссель, как ее можно узнать. Потом Рори вспомнила, что мать упоминала серьезные ожоги. От которых, надо полагать, остались шрамы.

Когда она открыла дверь в заведение, ее тут же обволокло густыми ароматами шоколада, вишни и крепкого черного кофе. Очередь от стойки тянулась чуть ли не до входа. Осторожно, бочком, держа коробку перед собою, Рори прошла вглубь заведения, поглядывая направо и налево. Отдыхающие семьи. Туристы. Студенты, склонившиеся над конспектами. Но не было никого, кто бы хоть как-то соответствовал ее мысленному образу Солин Руссель, которая сейчас рисовалась ей эдакой сублильной восьмидесятилетней старушкой со шрамами от ожогов и неловкостью во взгляде.

Внезапно глаза ее встретились с женщиной, одиноко сидевшей почти что в самом конце кондитерской. Темные волосы незнакомки были собраны высоко на затылке в гляцевый шиньон. На ней был элегантный малиновый трикотажный костюм с черными бархатными манжетами и блестящими золотыми застежками впереди. Шею закрывал клетчатый красно-черно-белый шарф, увязанный в виде галстука и скрепленный перламутровой булавкой. Когда их взгляды встретились, женщина на миг показалась испуганно-ошеломленной, словно ее внезапно охватила паника. Однако уже через мгновение незнакомка совладала с собой и слегка кивнула Рори.

Перенеся коробку к боку, Рори стала пробираться к ее столику и лишь в последний момент заметила, что перед свободным стулом стоит чашка с кофе и тарелка.

– Ой, простите, – пробормотала Рори. – Я подумала...

– Вы мисс Грант?

Она узнала голос, который слышала по телефону – низкий, слегка хриловатый, как будто прокуренный. С французским произношением. Но женщина казалась такой молодой – лет за пятьдесят пять. Или, может, чуть больше, но ненамного. С исключительно прекрасной, белой, точно тонкий фарфор, кожей лица, с идеальным изгибом ярко-красных губ. И без каких бы то ни было шрамов.

– А вы... мисс Руссель?

– Да, это я. – Подбородком она указала Рори на пустующий стул.

Рори поставила коробку на угол стола и села на предложенное место. Она глядела на женщину во все глаза, не в силах оторваться.

– Я взяла на себя смелость кое-что вам заказать. Исключительно в знак благодарности.

Рори взглянула на столик, где ее ждали *mille feuille*²¹ и *café au lait*²².

– Спасибо, – кивнула она, – мне очень нравятся их пирожные. Но вам вовсе не обязательно было это делать, мисс Руссель. Я рада была просто сюда прийти.

– Солин, прошу вас. Не сомневаюсь, у вас есть ко мне вопросы.

Рори оторопело уставилась на нее, застигнутая врасплох этим высказанным как бы между прочим приглашением к беседе. Она совсем не представляла, с чего начать.

Солин, похоже, почувствовала ее смущение.

– Итак, вас зовут Аврора. Очень красивое имя. У нас, во Франции, вас называли бы *Ороп*. Оно означает «богиня утренней зари».

Рори не смогла сдержать улыбку. В устах этой женщины ее имя звучало так мило и душевно. Совсем без старомодной степенности, что всегда слышалась в тоне матери.

²¹ *Mille feuille* – «Мильфей» (*фр.*, *букв.* «тысяча лепестков»), французский десерт из трех коржей слоеного теста, проложенных кремом из взбитых сливок и свежими ягодами.

²² *Café au lait* – кофе с молоком (*фр.*).

– Все меня знают как Рори, – застенчиво произнесла она. – Но мама этот вариант терпеть не может.

У Солин слегка изогнулись уголки губ – легким намеком на улыбку.

– Матери любят те имена, которыми они нас назвали сами. – Тут она перевела взгляд на коробку, и улыбка ее исчезла. – Вы ведь, наверное, открывали коробку?

Рори опустила голову:

– Да. Простите. Я просто так удивилась, когда ее нашла. Я и представить не могла, как...

Она осеклась, и тогда Солин порывисто сказала:

– Спрашивайте то, что хотели спросить.

Рори удивил ее несколько резкий тон, а также и то, что женщина даже не прикоснулась к коробке. Солин как-то напряглась, застыла, сложив руки под столом, как будто приготовилась к допросу.

– То платье, – осторожно начала Рори, – оно ваше?

– Да.

– А... все остальное?

– Да, те вещи также принадлежат мне.

– Это платье такое восхитительное – оно будто из сказки! – Рори немного помолчала, не зная, как лучше продолжить. – Такое впечатление, что оно... прямо с иглочки.

– Да, оно действительно совсем новое. И притом очень, очень старое.

– То есть его так и не надели?

Солин опустила глаза.

– *Oui*²³.

Это единственное слово вызвало у Рори еще больше вопросов. Почему платье так и осталось невостребованным? Что случилось? Неверность одного из влюбленных? Или произошла какая-то трагедия? Рори вспомнила о письмах: все они были написаны благодарными невестами, которые обрели после свадьбы свой счастливый, как в сказке, конец. Но, судя по всему, как раз та, что делала им сказочные платья, такой удачи найти не смогла. Почему?

– Я прочитала некоторые письма.

– В самом деле?

Рори кивнула:

– Точнее, те, что были написаны по-английски. Другие я просто не смогла прочитать.

– Последние письма адресовались мне. Остальные были от женщин, которым когда-то шила платья моя мать. Еще давным-давно, в Париже. – Отведя ненадолго взгляд, Солин словно сглотнула комок. – Она умерла вскоре после того, как в Париж пришли нацисты. Когда разнеслась весть о ее кончине, ко мне стали один за другим приходить письма от ее заказчиц.

– И вы хранили их все эти годы.

– Да, в память о ней. И как напоминание самой себе, что когда-то в Париже были времена, когда все кончалось счастливо и благополучно, и что моя мать играла в некоторых таких финалах не последнюю роль.

– Благодаря таким платьям, как это? – спросила Рори, приложив к коробке ладонь.

Солин выдавила улыбку, не то чтобы печальную, но с ощутимой горечью.

– Какая же счастливая сказка о любви – да без надлежащего платья, *chérie*²⁴.

– Только для этого надо не просто платье, – с некоторым нажимом произнесла Рори, чувствуя уклончивость в ее ответе. – Для сказки нужно платье от Руссель. В них ведь есть что-то особенное, не так ли? То, что делает их приносящими удачу?

– Пейте свой кофе, *Aurore*. Пока он не остыл.

²³ Да (*фр.*).

²⁴ Дорогая (*фр.*).

Рори послушно подняла чашку к губам.

– Простите, что так допытываюсь. Я просто надеюсь понять то, что прочитала в письмах. Все эти благодарные невесты, которые так поразительно обрели счастье и удачу... Притом все они признательны за это именно вам – как будто именно вы заставили эту удачу случиться. Я знаю, что говорят об этом люди, – мне самой об этом рассказала мать, – да и в письмах прямо указывается на то же самое. Что ваши платья... наделены магией.

Уголки рта у Солин снова изогнулись, придав ее лицу нечто кошачье.

– Каждая уважающая себя деловая женщина знает цену хорошей рекламной штучке. Зубная паста, вызывающая желание тебя поцеловать. Или сверкающие полы, пробуждающие зависть у соседок. Невесты жаждут волшебных сказок – и именно это я им и даю.

Рори скептически посмотрела ей в глаза.

– Вы хотите сказать, что сшитые вами платья никак не связаны с тем, что написано в тех письмах?

– Я хочу сказать, что люди склонны цепляться за те представления, что заставляют мир вокруг казаться лучше, нежели он есть на самом деле. И, пожалуй, в этом нет ничего неожиданного. Когда жизнь тяжела, такое тяготение к иллюзии помогает. Подозреваю, когда-то давно те письма тоже были для меня подобной иллюзией. Но жизнь научила меня, что даже в сказках героиня должна творить *свою собственную* магию... Или не творить – в зависимости от обстоятельств.

– Однако вы их все же сохранили. Вы же могли просто взять их и выбросить, но вы этого не сделали.

Солин глубоко вздохнула и очень медленно выпустила воздух.

– Тогда в моей жизни накопилось столько разного несчастья, столько душевной боли и потерь... куда ни кинь... Эти письма стали для меня своего рода способом запечатлеть хорошее и светлое.

– И тем не менее они оказались в коробке под лестницей.

Последовал неловкий промежуток тишины, но Солин наконец ответила:

– Перед кончиной *Maman* пыталась меня наставить, что есть время за что-то крепко держаться, а есть время – отпустить, и что мне необходимо научиться отличать одно от другого. Тогда я этого не поняла. Но потом пришло время – в какой-то момент, – когда я осознала, что должна уже отпустить те осколки своей жизни. Однако мне невыносима была мысль, что я с ними расстанусь навсегда. И я решила, что, если спрячу их от себя, если положу туда, где не буду их видеть каждый божий день, этого окажется достаточно.

Рори внимательно посмотрела на собеседницу поверх поднесенной ко рту кружки. Под безупречным стилем и старательно нанесенной косметикой в ее облике ощущался некий трагизм, почему-то сразу напомнивший ей Камиллу.

– Помогло?

– Должно быть, вам это покажется нелепым – стремление цепляться за столь болезненные напоминания о прошлом, – но это все, что у меня осталось от той части моей жизни. От Парижа и от той судьбы, которой я ждала.

«От той судьбы, которой я ждала», – эхом прокатилось в сознании Рори. Как легко эти слова слетели с губ Солин.

– Нет, мне это вовсе не кажется нелепым. Все мы находим какой-то способ с этим справиться.

– А вы, *chérie*? – спросила Солин, с неожиданной пронзительностью заглянув ей в глаза. – Вам тоже приходится... с чем-то подобным справляться?

Рори поерзала на стуле, чувствуя себя очень неловко и от самого вопроса, и от неотступного взгляда Солин.

– Я думаю, всем нам так или иначе приходится с чем-то справляться. – Она попыталась говорить небрежным тоном, но получилось только хуже. Явно пора было сменить тему разговора. – Мне очень грустно было узнать про ваше ателье. Про пожар, я имею в виду. А вы не думали вновь его открыть?

Солин опустила взгляд к коленям, как будто взвешивая свой ответ.

– Знаете, жизнь умеет дать нам знать, когда что-то подошло к концу. Это не всегда приятно, но всегда совершенно очевидно – так что стоит обратить на этот знак внимание. Я полжизни потратила на то, что пыталась достичь того, что для меня не предназначалось – и горько за это поплатилась. В какой-то момент все же нужно уметь распознавать посылаемые нам сигналы.

Рори отпила пару глотков кофе, гадая, что же это такое, к чему Солин так стремилась и почему для нее это не было уготовано.

– Думаю, у вас еще есть ко мне вопросы, – с некоторой даже резкостью спросила Солин. – Что ж, давайте, спрашивайте. Ответить на них, полагаю, мой долг.

Такая прямота этой женщины показалась Рори слегка обескураживающей и вместе с тем живительно бодрящей, особенно после осторожных разговоров с матерью.

– Тот бритвенный набор... Он ведь как-то связан с платьем, верно я поняла? Он принадлежал жениху?

– Да. Водителю санитарного фургона, которого убили на войне.

– А платье это – ваше?

Глаза Солин внезапно заблестели от слез.

– Должно было стать моим. Да.

– Простите. Мне не следовало так вас тревожить.

Солин слегка мотнула головой, словно раздраженная на саму себя.

– Прошу прощения, что распустила нюни. Просто... после пожара... Мне сказали, что там совсем ничего не осталось. Я никак не ожидала снова это увидеть.

– Ради бога, не извиняйтесь! Это я должна просить прощения, что растеребила ваши чувства. Пожалуйста, простите меня!

– *C'est oublié*, забыто, – пробормотала Солин и, взяв со стола салфетку, принялась осторожно промакивать глаза.

Рори изо всех сил постаралась не пялиться на нее в упор. Вплоть до этого момента руки Солин оставались на коленях, и лишь теперь она увидела перчатки: черные лайковые, с крошечными гагатовыми пуговками на запястьях – и совершенно неуместные в середине июня.

«Шрамы у нее не на лице. Они на руках».

Все же она отвела взгляд, делая вид, будто не заметила ничего необычного.

– Пока я не забыла, хочу поблагодарить вас, что согласились сдать мне в аренду дом. Я, если честно, уже было рассталась с идеей открыть галерею. А потом однажды переходила улицу – и тут вдруг на меня словно что-то снизошло! Я страшно расстроилась, когда Дэниел мне сказал, что этот дом не сдается и не продается. И я так рада, что вы все-таки передумали.

Солин подняла глаза к потолку.

– Мистеру Баллантайну хорошо известно, как найти ко мне подход. Он мне сказал, что вы задумали открыть галерею для начинающих и неизвестных художников. Он знал, что это меня смягчит. И когда вы планируете открыться?

Рори с облегчением непроизвольно выдохнула, когда их разговор перешел на более безопасную территорию.

– В октябре, если все пойдет как надо. Я была бы очень рада, если бы вы пришли на нее взглянуть, когда все будет закончено. А может, вы сможете прийти на само открытие? Для меня это была бы большая честь.

У Солин сразу заметно напряглись плечи.

– Благодарю вас, но нет. Я теперь уже почти что нигде не бываю. И в своем салоне не была с той самой ночи, когда все сгорело.

– Ни разу за все четыре года?!

– С ним связано много воспоминаний, знаете ли, – пожала плечами Солин. – И это... тяжело.

– Я ужасно сожалею. Из-за всего... что у вас случилось.

– Не берите в голову. Жалость для меня как яд. – Солин резко поднялась, оказавшись удивительно миниатюрной, несмотря на свои высокие каблуки. – Еще раз спасибо вам, *Aurore*. Было очень любезно с вашей стороны тратить время на такие хлопоты. А вам и вашей галерее я желаю *bonne chance*²⁵.

Она взяла в руки сумку, и Рори заметила, как Солин пытается удержать ремешок пальцами, неуклюжими и плохо гнущимися в кожаных перчатках. Наконец, после нескольких попыток, ей удалось накинуть ремешок на плечо, однако коробка была чуть ли не с нее размером. Дай бог Солин вообще вынести ее из кафе, не говоря уже о том, чтобы в одиночку нести по запруженному тротуару.

– Если хотите, я провожу вас до машины, – предложила Рори.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Я уже больше не вожу машину. Тем более мой таунхаус отсюда совсем недалеко.

– Тогда давайте я вас подброшу до дома. А то коробка...

– Я и так уже доставила вам изрядно беспокойства, к тому же я вполне способна прогуляться пешком.

Рори скептически взглянула на туфли Солин. По вспучившимся от морозов бостонским тротуарам (последствия не одного десятка суровых зим в Южной Англии) хорошо ходить в кроссовках да балетках. А тонкие, как карандашик, шпильки вкупе с высокой коробкой вполне могли там обернуться катастрофой.

– Никакого беспокойства, – уверила она Солин, тоже вставая из-за стола и решительно беря в руки коробку. – Я припарковалась прямо тут, на улице.

Тогда Солин согласно кивнула, но было видно, что чувствует она себя неловко.

– Хорошо.

Рори придержала дверь, и вместе они вышли на тротуар. Она сама не могла бы объяснить столь внезапно нахлынувшую на нее заботливость. Солин Руссель и отдаленно не производила впечатление слабой и нуждающейся в опеке. И все же в этой женщине ощущалась какая-то особенная хрупкость – она напоминала разбитую фарфоровую статуэтку, у которой неправильно скрепили куски. И от слишком грубого обращения она может разлететься на миллион осколков. А Рори уже очень хорошо понимала, каково это.

²⁵ *Bonne chance* – доброй удачи (фр.).

Глава 11

Рори

Солин напряженно сидела на переднем пассажирском сиденье, спрятав глаза за темными хепбернскими очками и крепко стиснув на коленях сумочку. С того момента, как она назвала свой адрес в историческом районе Бикон-Хилл, обе они не произнесли ни слова. Свернув на Сидар-стрит, Рори сбавила газ и быстро взглянула на спутницу:

– Который дом?

– Вот этот, – указала Солин, – с красной дверью. Высадите меня прямо здесь. Я спокойно донесу коробку.

Рори «притерла» машину к бордюру и заглушила мотор.

– Я вам помогу.

Не успела Солин запротестовать, как Рори вышла из машины и достала с заднего сиденья коробку. Солин какое-то время пыталась отстегнуть ремень и, справившись наконец, тоже выбралась из машины на асфальтовую дорожку. Держа наготове ключи, она плавно двинулась к двери.

Рори направилась вслед за ней, на ходу разглядывая старинный георгианский фасад особняка. Заметно состарившиеся красные кирпичные стены, глянцевые черные ставни, по дымоходу с каждого конца дома. И все это в одном из самых привлекательных районов города. Судя по всему, Солин неплохо потрудилась на собственное благо.

Немного повозившись с ключами, Солин толкнула внутрь дверь и вошла в дом. Рори оставалось лишь последовать за ней в просторную прихожую, где сразу привлекали внимание вычурный резной столик на одной ножке и роскошная люстра в стиле ампир. Солин сразу же сняла темные очки, положив их на стол рядом с сумочкой, и стала стягивать перчатки.

Какое-то время Рори с некоторой неловкостью просто смотрела на это, пока не поняла, что у Солин не получается их снять.

– Похоже, там трудная застежка. Давайте, я вам помогу.

Плечи Солин поникли, точно лепестки у внезапно увядшего цветка. Не ответив ни слова, она протянула руки к гостье. Поставив коробку на пол, Рори расстегнула обе перчатки, потом встретилась взглядом с Солин.

– Хотите, чтобы я их...

Та кивнула.

– Только не стягивайте их за пальцы. Надо отогнуть манжеты и снять, потихоньку выворачивая.

Рори стала делать, как ей велели, и, задержав дыхание, потянула за краешек лайковой кожи. Когда первая перчатка сошла с руки, послышался легкий вздох, хотя она даже не поняла, ее ли это был вздох или хозяйки дома. Женщина протянула ей вторую руку, и Рори вновь взялась за дело. На сей раз она обратила внимание, что Солин слегка прикусила нижнюю губу. Видимо, мучилась она не одной неловкостью.

Когда все было сделано, Рори положила перчатки на стол – обмякшие, вывернутые наизнанку, напоминающие сброшенный хитин какого-то огромного насекомого. От этой мысли по ее телу пробежала дрожь, и Рори поскорее отвела взгляд, снова развернувшись к Солин, которая тем временем уже массировала кисти рук протяжными, повторяющимися поглаживаниями. Руки ее местами были восковато-белыми, местами ярко-розовыми и морщинистыми, со скрюченными, похожими на птичьи когти, пальцами. Рори поспешила отвести взгляд, чтобы не показаться невоспитанной.

– Смотрите, не стесняйтесь, – невозмутимо произнесла Солин.

Тогда Рори внимательнее посмотрела на поврежденные кисти женщины, и у нее в горле застрял комок. Стянутые ладони и утолщения давно заживших рубцов, немного перепончатый вид пальцев. Руки, совершенно бесполезные для женщины, которая всегда зарабатывала себе на жизнь иголкой с ниткой.

– Это случилось при пожаре, – пояснила Солин. – Хотя, разумеется, вы и сами уже это поняли.

Рори кивнула:

– А я думала, почему в июне вы носите перчатки?

– Людям неловко видеть мои шрамы, поэтому я их скрываю. Хотя в последнее время это случается совсем не часто. Куда проще держаться подальше от людей, чем выносить их жалость. Они не виноваты, что так вышло, но все равно при виде шрамов чувствуют себя ужасно.

У Рори едва не слетело с языка, что, мол, ей очень жаль, но она вовремя себя остановила. Никакой жалости, напомнила она себе.

– Поэтому вы так и не открыли больше свой салон? Из-за того, что случилось с руками?

– Какое-то время я надеялась, что смогу вернуться к прежней жизни. Мне так хотелось верить, что врачи способны сотворить чудо. И, думаю, они и сами в это верили – сначала. Но оказалось слишком уж много повреждений.

– У вас это... болит?

– Не так, как вы, наверно, думаете. Большей частью руки у меня онемели. Рубцовая ткань ведь не имеет нервных окончаний. Но есть такая штука, называемая контрактурой, которая возникает вследствие глубоких ожогов, особенно на кистях рук. Когда рубцовая ткань формируется, она стягивает пальцы к середине кисти или же выкручивает их вбок.

Солин снова подняла руки, как бы предлагая Рори взглянуть на них поближе. На правой руке ногти в большинстве своем сошли напрочь, отчего кончики пальцев торчали голыми и блестящими.

– Вы не поверите, но мне еще, можно сказать, повезло: как правило, я не мучаюсь болью. Но когда приходится слишком долго находиться в перчатках, пальцы оказываются слишком вытянуты, и суставы начинают ныть. Как при артрите, наверно.

– А есть ли... А это никак не оперируется или что-то еще?

Солин принялась снова массировать руки, попеременно разминая каждую ладонь подушечкой большого пальца и невольно морщась, когда попадала на зарубцевавшиеся участки кожи.

– Я перенесла шесть операций. Удаление омертвевших тканей, восстановление сухожилий, пересадка кожи. Каких только лонгет и шин мне ни накладывали! А потом пришло время всевозможной терапии. И пресотерапия, и стретчинг... – Солин пожала плечами. – Рано или поздно, всему наступает конец. Мне прописывали всевозможные упражнения для улучшения гибкости и подвижности суставов. Какое-то время – пока верила, что есть какая-то надежда, – я все их проделывала, но в итоге перестала. С того момента, как я поняла, что больше никогда не смогу взяться за иглу, я уже не видела в них смысла.

Рори даже возмутила такая категорическая обреченность, непоправимость в ее голосе.

– Разве для непосредственно швейной части вы не могли кого-либо нанять?

Взгляд Солин скользнул к коробке, стоявшей у ног гостя.

– С моими платьями это не получится. Там очень тонкая работа... и весьма особенная.

– Но вы же могли кого-то обучить своему искусству. Какую-нибудь ученицу.

– Тому, что я делаю, невозможно научить, и это должно быть сделано вручную – то есть именно моими руками.

– Моя мать хорошо помнит ваше ателье. Она сказала, это был самый изысканный свадебный салон в городе. Жаль, что я не видела его в те годы... – Рори вовремя спохватилась. – Простите... Я лишь хочу сказать, что там, наверное, было очень красиво.

Солин сделала пару шагов вглубь дома, потом остановилась и обернулась через плечо:

– Идите за мной. И возьмите коробку.

Они прошли через большую гостиную с матовыми сизовато-серыми стенами и длинным диваном, обитым кожей карамельного оттенка, затем, миновав стеклянные французские двери, оказались в небольшом кабинете.

Это была теплая и уютная комната, хотя и довольно лаконично обставленная. Антикварный письменный стол, кресло для чтения, низенький столик перед камином, стеллаж со старинными книгами в кожаных переплетах. Однако внимание Рори привлекло скорее то, что висело на противоположной стене: коллажи, вставленные в одинаковые черные рамки. Фотографии, вырезки из газет, обложки журналов, небрежные карандашные наброски платьев, сделанные Солин. Заглядевшись, Рори спустила коробку на пол и придвинулась поближе, изучая под коллажами подписи, многим из которых было уже лет тридцать.

«Ooh-là là! В Бэк-Бэй появится изысканный вкус Парижа!»

«Свадебная высокая мода скоро нагрянет и в Бостон»

«Знаменитый бант от Руссель – неременный элемент платья невесты в новом сезоне»

Фотографии были изумительными. Вот Солин хлопочет над своим воздушным творением, держа во рту булавки. Вот, взгромоздившись на лестницу, вытягивает с полки рулон ткани. Вот расправляет большой бант из тафты на талии тоненькой, как тростинка, блондинки. На какое-то мгновение Рори задержалась взглядом на последней фотографии, разглядывая руки Солин. Длинные, с заостренными кончиками пальцы, ногти с очень аккуратным маникюром. Такие красивые и такие искусные... и настолько искалеченные сейчас.

На последнем снимке был запечатлен сам салон. Сфотографирован он был для разворота свадебного журнала *«Boston Bride»* четыре года назад – менее чем за год до пожара. Странно было видеть его таким, каким он представлял в те годы, – изящно обставленный, в оловянно-кремовых тонах. Каждая мелочь была тщательно подобрана – и все, казалось, несло в себе дух Франции. По крайней мере, именно так и представляла для себя Рори французский антураж.

На фотографии большого эркерного окна, сделанной с улицы, изящными золотыми буквами было выведено название свадебного ателье, однако Рори не смогла разобрать слова.

– А что там написано? – повернулась она к Солин.

– *«L'Aiguille Enchantée»*, – тихо ответила та. – Это означает: «Зачарованная игла».

– «Зачарованная игла», – мечтательно повторила Рори. Даже от названия веяло доброй магией! – Идеальное название для салона, где продают сказочные платья и счастливый, как в сказке, конец.

– Все это – одна фантазия, – довольно резко возразила Солин. – Нелепица, передаваемая родом Руссель из поколения в поколение.

– Вы совсем не верите в сказки?

– С некоторых пор – уже нет.

Рори взгляделась в отражение Солин, оказавшееся в стекле одной из коллажных рамок.

– Но все же когда-то верили?

– Сказки порой бывают довольно опасны, *Aurore*. С ними очень уж просто забыть, что их мир – вымышленный. И тогда – не успев даже что-то понять – мы пропадем, затерявшись в них навсегда. Вот почему так необходимо научиться спокойно и вовремя отпускать то, что уже прошло, и жить с тем, что осталось.

У Рори по позвоночнику пробежал холодок. Разумеется, Солин имела в виду собственную потерю – некоего «Э.В.П.». Однако эти слова с тем же успехом могли подойти и для нее.

В их историях чувствовалась несомненная схожесть. Страсть к творчеству, потерянная любовь, их склонность удаляться от мира, – а теперь их свел и тот дом.

Что это? Совпадение? Или какая-то невидимая рука вывела Рори к тропе этой женщины с ее трагической судьбой и не понадобившимся свадебным платьем? Быть может, это своего рода предостережение о том, что бывает с человеком, который слишком отчаянно хватается за надежду обрести счастливый финал?

– Э.В.П... – тихонько произнесла Рори.

– Его звали Энсон.

– Значит, Энсон... И вы по-прежнему... Он для вас не забыт?

– Я думала, что смогу его забыть. Но нет, я по-прежнему хорошо его помню. – Солин глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух. – В первое время он мне виделся везде. Как ловит такси на улице. Среди толпы у стойки ресторана. В окне парикмахерской. Он был везде – и в то же время нигде.

– И это по-прежнему с вами бывает?

– Иногда.

Ее ответ вселил в Рори какой-то неизъяснимый страх.

– Как же вы это переносите?

Солин опустила ресницы.

– У всех нас есть свои призраки былого, *chérie*. Лица людей из нашего прошлого. Вот только не всегда они остаются в этом прошлом. Порой они вновь появляются, когда мы меньше всего этого ждем. Вот почему я и убрала эту коробку под лестницу. Потому что не смогла больше это выносить.

Внезапно Рори полной мерой прочувствовала это страдание. Всю боль, что накатывает на тебя по ночам, когда смыкаешь глаза, и не уходит утром, когда просыпаешься, чтобы начать новый день. Эту глухую пустоту вместо сердца. И не успела она как-то взять себя в руки, глаза ее наполнились слезами.

Солин прищурилась, встревоженно глядя на нее:

– *Chérie*, что такое? Вам плохо?

– Нет. Я в порядке. Но мне надо идти.

– Что-либо не так?

– Нет, все нормально. Правда. Мне не следовало докучать вам вопросами. – Едва не споткнувшись о коробку на полу, Рори проскочила мимо Солин и заторопилась к входной двери. – Провожать меня не надо. Я сама найду выход.

– *Aurore...*

Рори, не останавливаясь, торопилась к дверям, рассчитывая оказаться снаружи до того, как устроит тут жалкое море слез. Она получила то, чего хотела. Она так жаждала узнать историю Солин Руссель – и она это узнала. И теперь, поспешно ретируясь к двери, Рори не могла не мучиться вопросом: не приоткрылся ли ей только что, в придачу, будущий образ и себя самой?

Глава 12

Солин

Мы продаем обещание жить долго и счастливо, однако далеко не всем суждено обрести такой прекрасный сказочный конец. Одним это не дано, другие не желают, а еще очень многим приходится объяснить, что они этого не достойны.

И именно та, что «ткет заклинания», должна определить, кто из них кто.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

20 июня 1985 года.

Бостон

С первым глотком вина я в наслаждении прикрываю глаза. Луи Жадо Жевре-Шамбертен! Порочная моя слабость! С изумительными оттенками шоколада и спелой вишни, он обволакивает язык и нежным бархатом проскальзывает по горлу. Дорогой и восхитительный напиток. Забавно: чтобы познать достоинства французских вин, мне понадобилось проделать такой долгий путь в Америку! *Матап* никогда не держала в доме вина. Но здесь я научилась его ценить. Возможно, чуточку больше, чем мне требуется. Но оно помогает мне отвлечься от моих несчастных рук. И от боли. И... от всего прочего. Или, быть может, я лишь притворяюсь, что мне это помогает?

События сегодняшнего дня меня немало потрясли. И по причинам, мне слишком хорошо понятным, и по таким, что я не понимаю вообще. Я нечасто приглашаю в дом посторонних. Точнее, совсем не приглашаю. У меня не бывает ни званых обедов, ни коктейльных вечеринок, ни ланчей с друзьями. У меня нет ни друзей, ни подруг. *Oui*, я понимаю, как печально это звучит. Печально и жалостно. Однако я не нуждаюсь ни в чьей жалости. Этот выбор я сделала несколько лет назад. После пожара. Мне кажется, вся моя жизнь теперь разделяется на до и после пожара. Хотя едва ли можно сказать, что после той страшной ночи у меня была какая-то жизнь. Но это, опять же, мой выбор.

Даже не припомню, когда последний раз здесь кто-то разделил со мной компанию. Год назад? Нет, пожалуй, что раньше... Да и то это были лишь Дэниел с женой – еще в предыдущее Рождество. Я вполне комфортно чувствую себя одна – или, по крайней мере, я к этому привыкла. И тем не менее я с удивлением ощутила внезапно нахлынувшее сожаление в тот момент, когда услышала, как за этой девушкой закрылась дверь. Впрочем, в этот день меня вообще много что удивило. И ее неожиданный звонок Дэниелу. И связка старых писем. И платье... *Mon dieu*... Господи... мое платье... Воспоминания, от которых я столько лет пряталась. И теперь они меня все-таки отыскали. Потому что меня нашла Аврора Грант.

Рори... Девушка, воскресившая мое прошлое.

Когда она только вошла в кондитерскую, на краткое мгновение мне показалось, что я ее уже знаю. Возможно, одна из моих бывших клиенток. Или одна из невест, получивших отказ. В ней словно было что-то знакомое – некая связь, которую я ощутила в тот момент, как наши взгляды встретились. И все же, когда она подошла ближе, я поняла, что ошиблась. Мы никогда не были знакомы.

Вот только я все равно ее *узнала*. Она как будто была мною. Вернее, моей тенью, когда я была в том же возрасте. Потерянная. Сокрушенная горем. Отчаянно надеющаяся увидеть хоть слабый проблеск света в конце невероятно темного тоннеля. Она оказалась очень милой девушкой. С симпатичным заостренным личиком и здоровой, кровь с молоком, комплекцией. С глазами цвета неба в ту пору, когда надвигается шторм – не голубыми и не серыми. И с

копной медовых волос, постоянно падающих на лицо. Ловкий способ укрыться от внешнего мира.

Это мне как раз очень знакомо – нежелание, чтобы все видели твою тоску и скорбь. Тебе кажется, что так ты одна, приговоренная судьбой к страданию. Разумеется, это неправда – но ощущается именно так. Остальной мир движется дальше, живя своею жизнью и вынашивая свои мечты, – в то время как ты словно застыла, навеки подвешенная в этом моменте, когда твой земной шар перестал вращаться и почва внезапно ушла из-под ног. Ты начинаешь существовать словно бы в бесконечном вакууме, где кругом одна пустота и бесконечный мрак, и свет мало-помалу становится для тебя невыносимым.

Ей очень хотелось узнать мою историю, она так надеялась, что я тотчас же открою коробку, и явственно была разочарована, поняв, что я не собираюсь этого делать. И все же она предприняла все возможное, чтобы оказать мне добрую услугу. Теперь я чувствую себя просто обязанной, по крайней мере, удовлетворить ее любопытство.

Она так деликатно задавала мне вопросы, стараясь не затрагивать мои чувства. Бывает особый вид сочувствия, который появляется, когда людей связывает схожее горе. Этакая невидимая нить, что связала нас с ней – рану с раной. Иначе почему бы я позволила ей довести меня до дома? А потом эта неловкая катавасия с перчатками – когда я сама, можно сказать, предложила ей взглянуть на мои кисти.

До сих пор перед глазами ее выражение лица, когда я вытянула перед ней руки. Скорее, нежность, а не жалость. За это я готова была ее расцеловать! А потом, когда в ее глазах вдруг появились слезы и она ринулась из дома – мне хотелось побежать за ней, обнять покрепче и дать ее сердцу волю выплакаться. У нее явно есть своя история. И, похоже, довольно печальная. Настолько печальная, что она не смогла скрыть свои переживания, хотя и очень старалась.

Не знаю, что произошло в жизни Авроры Грант, чтобы она так горевала. Знаю одно: что-то у нее случилось. Впрочем, она еще молода. И у нее есть время, чтобы не очутиться в мрачной пустоте. Новая галерея станет для нее спасательным кругом. Как для меня мой салон. Мне, кстати, понравилась эта идея – открыть галерею для неизвестных художников. И название понравилось – «Неслыханное дело». В общем, мне эта девушка приглянулась. И по душе пришлось то, что она сказала о здании салона – как будто оно ждало именно ее. Что ж, возможно, так и есть – и ее ниточке жизни суждено потянуться как раз оттуда, где оборвалась моя. Судьба взяла наши две ниточки и свила воедино. Возможно, и не в цельную нить – но уж точно в неразрывную.

Добавив в бокал вина, я возвращаюсь в кабинет, невольно задерживаясь перед стеной с фотографиями в рамках. В последнее время я редко их разглядываю – особенно теперь, когда боль потерь стала особенно тяжела. Однако сегодня, когда здесь была Рори, я поймала себя на том, что всматриваюсь в снимки из-за ее плеча, пытаюсь увидеть их ее глазами, как будто бы впервые. И когда она, разглядывая фотографию витринного окна, неожиданно спросила, не забыла ли я Энсона, я внезапно уловила в рамке наши отражения. Она смотрела на меня, и на какую-то долю секунды мне показалось, будто там стоит сам Энсон – его образ словно наложился поверх ее лица. Я моргнула, и тут же он исчез, оставив в стекле лишь наши с Рори лица.

Это была, конечно, чистая случайность, коварная игра света и памяти, но в тот момент это казалось настолько реальным! Настолько неожиданно и болезненно реальным!

Коробка с платьем все так же стоит на полу – там, где ее Рори и оставила. Я переносу ее к креслу и некоторое время просто сижу там, держа коробку на коленях. Мне нет ни малейшей надобности ее открывать. Я и так прекрасно знаю, что внутри: кусочки моего прошлого, грозящие зарыться поглубже в мою душу, точно раненные животные. Напоминания о моем несостоявшемся счастливом финале. Мне казалось, они уже остались в прошлом, сосланные в темный

закуток под лестницей, а потом сгоревшие дотла. Но теперь их вытащили на свет божий, и мне ничего не остается, как снова все вспоминать.

Когда я снимаю крышку и разворачиваю тонкую бумагу, у меня замирает дыхание. Мое творение все такое же, каким я его помню – мерцающее и воздушно-белое, точно пена. Я провожу ладонями по бисерной отделке платья, вспоминая те долгие ночи, когда я втайне от матери его шила. Узнай об этом *Maman*, то ни за что бы не одобрила. Она бы сочла, что это непростительная трата времени и материала, поскольку к тому моменту, как я его закончила, во Франции почти не осталось женихов. И все же, уезжая с родины, я забрала его с собой. Потому что еще верила в девичьи грезы о собственном счастливом сказочном финале. В то, что однажды я надену свое прелестное платье с его хитроумной магией и докажу *Maman*, что она ошибалась. Докажу, что все женщины из рода Руссель ошибались. И это почти что сбылось... Вот только в итоге я абсолютно все потеряла.

От нахлынувших слез начинает саднить горло, и, оставив коробку в сторону, я выключаю свет. Я думала, что к этому готова, но оказалось, что вовсе нет.

Поигрывая пальцами с опустевшим бокалом, я направляюсь по коридору к спальне. Я устала, и у меня болит голова. Я успела забыть, как шумно бывает в общественных местах и сколько сил они у меня отнимают. Мысленно я уже стремлюсь к пластиковому пузырьку, стоящему у меня в тумбочке возле кровати, – к лекарству, унимающему боль, которое выписал мне один из врачей в тот день, когда я покидала клинику. Я перестала принимать таблетки уже через неделю. От них я чувствовала себя очень заторможенной. Однако пузырек по-прежнему стоит на месте. Моя страховка на случай, если ночи станут невыносимо длинными или дни – чересчур пустыми. Время от времени я о нем вспоминаю. Иной раз даже достаю из тумбочки, высыпаю на ладонь пилюли и представляю, как разом все их проглочу. Разумеется, я не собираюсь это делать. По крайней мере, сегодня у меня совсем другие планы.

В темноте я раздеваюсь и забираюсь в постель. Мои мысли сами собой возвращаются к Рори. Если бы я попыталась «считать» ее так, как учила меня *Maman*, – то что бы я, интересно, увидела? Думаю, она легко бы поддавалась этому. В этом смысле она в точности как я – вернее, какой я бывала в ее годы. Раскрытой всему миру. *Maman* вечно ругала меня за это. Мол, я ничего не способна утаить – мое лицо немедленно меня выдаст.

Когда-то именно так оно и было, однако за долгие годы я научилась скрывать от всех великое множество вещей. И от себя, пожалуй, тоже. Страдание делает нас закаленнее и жестче, и каждое новое горе, каждое жестокое разочарование накладывает еще один слой защиты – точно перламутр над жемчужиной, – и вот мы начинаем считать себя непроницаемыми, неуязвимыми, полностью защищенными и от настоящего, и от нашего прошлого...

Какие ж мы глупцы, что в это верим!

Глава 13

Солин

Порой может возникнуть соблазн использовать свою магию ради собственной корысти. Однако такие проступки всегда имеют скверные последствия, которые непременно падут на будущие поколения.
Эсме Руссель. Колдунья над платьями

11 декабря 1942 года.

Париж

Два с половиной года фашистской оккупации напрочь опустошили Париж.

Никогда не забуду того утра, когда они вошли в город. Их солдат я услышала еще до того, как смогла увидеть – точно отдаленные раскаты грома. Я тогда спешила по Рю Лежанр, направляясь в сторону площади Согласия. Уж не знаю, что я ожидала увидеть, когда свернула к Елисейским Полям. Надо думать, войну – как я себе это представляла. Как охваченные всеобщей тревогой парижане выходят на улицы в последней попытке противостоять захватчикам. Как солдаты размахивают автоматами, захватывая в плен жителей. Ожидала увидеть кругом оружие, взрывы гранат. Огонь. Кровь. Хаос войны.

Однако никакого хаоса не наблюдалось. На самом деле во всем происходящем был какой-то странный, зловещий порядок – этакая жуткая стальная точность, от которой перехватывало дух. Мотоциклы, лошади, колонны танков и бронемашин – а также тысячи и тысячи марширующих в ногу солдат, безукоризненных в своих одинаковых касках и серо-зеленой форме. А возмущенных парижан я не обнаружила вовсе. Вместо этого вдоль тротуаров выстроились молчаливые, удивленные зеваки, словно замороженные военной машиной, поглощающей их город целиком. Вернее, то, что на данный момент от города осталось.

Богатые и с хорошими связями парижане уже несколько недель торопливо покидали город – на автомобилях, на поездах, на запряженных лошадьми повозках, запруживающих дороги. Все они устремлялись к побережью, знаменуя собой массовый исход. Магазины и салоны закрылись. Гостиницы опустели. В театрах погас свет. Даже на рынке притихла суэта в ожидании вражеского вторжения. И вот в июне 1940 года это случилось. Солдаты гитлеровского вермахта взяли город без единого выстрела, и уже к концу первого дня над Триумфальной аркой и Эйфелевой башней взметнулась свастика.

С того страшного дня жизнь превратилась в сплошное размытое пятно. В городе введен комендантский час, который строго соблюдается. Французские уличные указатели и знаки сменились немецкими. И часы переведены на немецкое время – унижительно-дразнящий жест и без того деморализованному городу. Теперь даже наше время нам не принадлежит.

Французские газеты закрылись, а все радиоканалы настроены на пропагандистское вещание нацистов. Еще повсюду висят плакаты, призывающие нас воспринимать оккупантов как друзей. Будто мы не чувствуем, как все сильнее сжимается их жесткая хватка у нас на горле.

На еду и одежду введены карточки довольствия, что привело к бесконечным очередям за самым необходимым. Париж превратился в город, одержимый вопросом еды. Где и что найти, сколько можно себе позволить, надолго ли удастся растянуть... Женщины большую часть дня проводят в поисках яиц или косточки для супа, в то время как еще уцелевшие журналы учат, как растянуть масло на более длительное время, добавляя туда желатин, или как испечь пирог без яиц. Запасы моей прозорливой *Maman* дают нам возможность меньше страдать от нехватки продуктов, но и наши накопления исчезают с пугающей скоростью.

Куда-то съездить теперь тоже затруднительно. Бензина нигде нет, так что остаются велосипеды или метро. Ну, или ходить пешком, что я обычно и делаю. Нацисты повсюду – в кафе

и в магазинах. Они праздно шатаются по всем углам, пьют наше вино, заигрывают с нашими женщинами и в целом ведут себя так, будто все во Франции принадлежит им и можно брать, что захочется. Впрочем, полагаю, так оно на самом деле и есть.

Сильнее всего от нацистов страдают евреи. Мало того, что у них забрали все движимое и недвижимое имущество, так называемый *Statut des Juifs*²⁶ не позволяет им заниматься определенными профессиями, ходить в театр или в большинство магазинов за покупками – и даже иметь собственное радио. Всех евреев старше шести лет обязали носить отпечатанную на одежде желтую звезду с надписью «*Juif*» – прямо на сердце, чтобы проще было распознавать их во время рейдов. Для этого их заставляют использовать весь запас карточек, выдаваемых на одежду. Некоторые пренебрегают новым законом, хотя и сильно при этом рискуют. Тех, кого отлавливают фашисты или обличают им сочувствующие, безжалостно бьют... или того хуже.

А еще у нас начались массовые облавы. Тысячи евреев (большой частью женщин и детей), которых несколько дней продержали без еды и питья, сначала отправили во временный лагерь в Дранси, после чего затолкали в вагоны для скота и увезли. Операция «Весенний ветер», как называли одну из подобных облав, была подготовлена и проведена французской полицией²⁷.

Нашей же собственной полицией!

Впрочем, это было лишь начало. До нас понемногу доходят подробности того, что творится в так называемых «лагерях смерти». Доносятся слухи о газовых камерах и печах, о траншеях, доверху заваленных мертвыми телами. Евреи уничтожаются по всей Европе. Причем французское правительство помогает в этом нацистам.

Новости – нормальные новости о том, что реально происходит, – как и большинство парижан, мы получаем из вещания компании Би-би-си на канале *Radio Londres* или из подпольных газет, тайком передаваемых из рук в руки. Как и за все прочее в нынешнее время оказаться пойманным с такой газетой означает подвергнуться суровейшему наказанию.

Maman воспринимает эти новости особенно болезненно, что меня немного удивляет. Прежде она никогда не была сентиментальной и слезливой, но, видимо, после двух лет пребывания в нашем городе фашистов мы все уже вымотаны до предела. К тому же и болезнь теперь крепко взялась за *Maman*: приступы кашля у нее настолько тяжелые, что она вынуждена прибегать к снотворному, чтобы ночью хоть чуточку отдохнуть. А еще у нее на носовых платках стала появляться кровь, но до недавних пор я притворялась, будто этого не знаю, пока она уже просто не смогла больше скрывать это от меня. Сейчас, когда с приходом новой зимы запасов топлива для обогрева уже нет, состояние матери совсем плачевное.

Когда выпадает какая-то мелкая работенка, это целиком ложится на меня. В основном это перешивание и подгонка одежды, – но я радуюсь всему, чем можно заполнить долгий день. А потом вечерами, когда мы опускаем затемняющие шторы и *Maman* засыпает, я продолжаю работу над своим платьем, хотя сильно сомневаюсь, что она проживет достаточно долго, чтобы увидеть его законченным.

Однажды поздним вечером *Maman* зовет меня к себе в комнату и велит придвинуть поближе стул. Мне больно видеть, как она изменилась. Все мы изрядно отощали за это время, – но у *Maman* худоба совсем другого рода, более жестокого и безжалостного. Это медленное разрушение организма, угасание, от которого кожа на лице туго обтягивает кости. И все же глаза ее, беспокойно скользящие по мне, сейчас блестящие и необыкновенно живые.

– Садись, – говорит она, похлопывая меня по руке, когда я пытаюсь потрогать ее лоб. – Мне нужно кое-что тебе рассказать. То, что я должна была бы рассказать тебе еще несколько лет назад.

²⁶ Статус евреев (*фр.*).

²⁷ Облава 16 июля 1942 года, вследствие которой по наводке немецких властей парижской полицией было арестовано и депортировано в лагерь смерти более 13 000 евреев.

– Тебе бы лучше отдохнуть, – говорю я, рассчитывая отделаться от этого разговора. Мне совсем не хочется обсуждать сейчас смерть. Или фашистов. Или то, как трудно сейчас стало что-либо достать. В последнее время мы ни о чем другом почти не говорим. – Поговорить мы можем и попозже. Когда ты немного поспишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.